

ДОКТОР СОДМАН

Петр Григорьевич КУРАКИН, родившись почти на рубеже веков (в 1904 г.), стал не только свидетелем, но и участником событий, определивших судьбы мира. В 1918 году вступил в комсомол. Был бойцом отряда ЧОНа (частей особого назначения). Коммунист с января 1922 года — тридцать лет своей жизни отдал партийной работе. В годы Отечественной войны добровольцем ушел на фронт. Был тяжело ранен. Награжден тремя орденами и шестью медалями.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ВОЛОГДА — ЭТО ГОРОД МОЕГО ДЕТСТВА.

Иду по улицам, мимо кирпичных домов, по асфальтовым мостовым молодой Вологды и вспоминаю Вологду — древнюю старушку: деревянные домики, деревянные заборы, деревянные тротуары.

Вот сквер напротив Политехнического института. Вхожу в тенистый парк под сень высоких, как в лесу, деревьев. В аллеях стоят скамеечки. Ряды фонарей. А в мое время здесь вечером все погружалось во тьму, как в глухой деревне.

Смотрю, как во всех направлениях спуют автобусы и такси. А тогда? Только извозчики и были. Легковые и ломовые. Легковым платили по 15 и по 20 копеек «в один конец». И, хотя они со своими пролетками и тщедушными лошаденками имели довольно жалкий вид, тем не менее на них ездили только богатые вологжане, а простые люди ходили пешком.

О промышленности старой Вологды вообще говорить не приходится. Никакой промышленности не было. Только железнодорожные мастерские. Разве сравнишь с нынешней Вологдой — городом машиностроения и металлообработки! Сколько здесь теперь заводов? «Северный коммунар», «Ремсельмаш», «Мясомолмаш», «Механический»... Строится завод шарикоподшипников. А старые железнодорожные мастерские преобразованы в мощный «ВПрЗ». Кроме того — легкая промышленность: льнокомбинат, мелькомбинат, швейные фабрики.

Старая дореволюционная Вологда исчезла, и этому надо радоваться.

Но так уж мы устроены: радуемся и в то же время грустим о том, что минуло, что было когда-то нам дорого. А тогда мне всё здесь было любо: даже лягушки, которые водились около Пятницкого пруда и в Архирейском саду, и куры, копавшиеся посреди улиц в конском навозе.

Знакомых у меня было полгорода. А сейчас — куда они все подевались?

Вот Соборная Горка. Здесь можно отдохнуть.

На одной из скамеек сидит благообразный седой старичок в очках. Одет он скромно, но опрятно: коломянковый пиджачок и такая же кепка.

— Не помешаю? — спрашиваю, останавливаясь около его скамейки.

— Пожалуйста! — отвечает старичок и немножко отодвигается к краю.

Сажусь. Взглянув на морщинистые руки старика, делаю предположение, что он рабочий-пенсционер. Оказывается — так оно и есть.

— Вот, приехал в родной город, — начинаю разговор. — Обошел знакомые места. Как все изменилось!

— А давно здесь не бывали? — спросил старик после довольно долгой паузы.

— С 30-го года. Как стукнуло мне 26 лет, так и уехал. С тех пор бываю здесь только изредка, наездами. Здесь у меня родственники живут...

Собеседник мой не спешил отвечать. День был исключительно хороший. Высоко в голубом небе медленно проплывали легкие и спокойные белые тучки. Солнышко обходило нас сзади и ласково грело спины.

— А я почти все свои годы прожил в Вологде, — отозвался наконец сосед и неожиданно спросил. — Вы не знавали здесь лет тридцать-сорок тому назад доктора Содмана?

— Содмана? Ну, как не знать! Я и Михаила Михайловича и Любовь Николаевну хорошо знал...

— Вот оно что! — старик сразу оживился, переменял позу, сел боком и внимательно посмотрел на меня. Так вот мы и познакомились с Александром Алек-

сандровичем, старым членом партии, знавшим и Прибыткову и Ермолаева, которые еще до Октябрьской революции вели большую пропагандистскую и организаторскую работу в железнодорожных мастерских и среди рабочих вологодского железнодорожного узла...

«Любови Николаевне, жене доктора Содмана, — рассказывал между тем мой новый знакомый, — я обязан жизнью. Девятилетним мальчишкой, в 1904 году, я пришел в Вологду из Тотьмы. Мать моя умерла. Отца на войне убили японцы. Есть было нечего. Попрошайничал. Пальто проел, чтобы не умереть с голоду, а дело было осенью. Были уже холодные ночи. Днем ходил по домам, куски собирал, а ночью спал на вокзале под скамейками.

В тот год было много сыпного тифа... Так и думал, что вот-вот до меня он доберется. Вши ели, но от тифа как-то уцелел. А однажды какие-то женщины привели меня к Любови Николаевне.

Как сейчас помню — в кухне стоял босой, без пальто, без шапки. На ногах вершок грязи, волосы лохмами торчат, не стрижены, не чесаны. Помню, что трясло меня — не знаю, от страха или от чего. Рубаха рваная, штаны от колен до полу разодраны. Роба, наверное, была черная, потому что дней десять не умывался.

Любовь Николаевна была какой-то председательницей. Она тут же в кухне велела мне умыться. Накормила меня. Хлеба с маслом дала и чаю с сахаром. А потом написала записку, и эти же женщины отвели меня в приют. У них тогда были какие-то благотворительные денежные фонды.

Я долгое время не мог поверить своему счастью. Но дни шли... Там же, в приюте, вместе с другими ребятами нас начали учить, а потом устроили в школу.

Любовь Николаевна бывала в приюте. Каждый раз, когда приходила, всегда вызывала меня и некоторых других таких же беспризорных сирот. Она так ласково, так просто и сердечно с нами разговаривала, что мы всегда ждали ее, как родную мать. И она всегда приносила нам гостинцы: пряники или конфеты.

Учился я хорошо. И за счет благотворительного фонда мне дали возможность окончить торговую школу. Поставили на ноги. Потом я работал на железной дороге...»

Александр Александрович говорил очень оживленно. Видимо, это были, хоть и весьма давние, но волнующие воспоминания. Он трогательно убеждал меня написать о старой вологодской интеллигенции, уверяя, что такие воспоминания будут интересны для всех, кто интересуется той эпохой. И пояснил:

— У нас хоть и изучают историю, но о старых людях не все имеют правильное представление. А разве можно понять эпоху, если вы не поняли людей? Конечно, нельзя! Точно так же невозможно и обратное: то есть, нельзя и людей понять, если вы не знаете эпоху. Особенно путанно молодежь представляет себе старую интеллигенцию. Иные к слову «интеллигенция» обязательно добавляют эпитет «гнилая», как будто вся дореволюционная интеллигенция была буржуазная и реакционная и потому доброго слова не стоит...

Слова старого рабочего перекликались с моими давними мыслями. Действительно, вот доктор Содман-Михайлов. Прямо скажем, от революционной деятельности он и жена его были далеки. Но по своему внутреннему облику, по общественной активности они, честное слово, были в одном ряду с коммунистами. От Герцена, Чернышевского и Некрасова позаимствовали Содманы любовь к народу. Высшей радостью для себя считали возможность, забывая о личных нуждах, отдавать свои силы и знания бедным и бездомным, навлекая этим на себя недовольство, а иногда и репрессии со стороны местных властей.

Нельзя сказать, что Содман и его жена были какими-то особенными людьми. Отзывчивых и самоотверженных общественников в те годы было много, и многие из них достойны светлой памяти и благодарности потомков.

И вот я пишу о жизни старой интеллигенции, о докторе Содмане и его жене, об их друзьях — старых вологжанях, о рядовых беспартийных интеллигентах конца 19-го и начала 20-го веков, о некоторых большевиках, которые в своей общественной деятельности соприкасались с этим кругом вологодской интеллигенции.

Но я пишу не для того, чтобы восполнить какой-то пробел и восстановить справедливость. Надобности в этом нет. Все значительно проще. В буднях доре-

волюционной прогрессивной русской интеллигенции было много прекрасного: и высокие стремления, и светлые дела, и романтика, и героика. И писать об этих делах нужно именно потому, что они зовут и вдохновляют нас на бескорыстное служение народу.

Мои герои — не вымышленные образы, а подлинные люди. Они действительно жили в Вологде. Людей, подобных им, было немало. И труды их, иногда мало заметные, в какой-то мере способствовали распространению нашей революции и успехам на первых шагах строительства новой жизни.

НАЧАЛО ПУТИ

МЕДИЦИНСКИЕ ЖУРНАЛЫ конца прошлого века время от времени публиковали объявления о том, что в том или ином месте имеются вакантные должности врачей. По одной из таких публикаций доктор Содман и решил поехать в город Яренск Вологодской губернии. Это было в декабре 1894 года.

Проездом он сделал остановку в Вологде, чтобы представиться председателю губернской земской управы Александру Александровичу Можайскому и главному врачу губернской земской больницы Сергею Федоровичу Горталову.

Эти беседы привели к неожиданному результату: переезд в Яренск был отменен. Вместо Яренска Михаилу Михайловичу дали назначение в село Домшино — заведовать больницей и врачебным участком, в который входило восемь волостей. Это село по тогдашнему административному делению входило в состав Нестеровской волости, Вологодского уезда, Вологодской губернии. Больницей здесь заведовал доктор Кевролев. Но у Кевролева было трое детей школьного возраста, поэтому он уже давно хлопотал о переводе в город...

— Ну вот, и поезжайте вы в Домшино, — сказал Можайский. — А в Яренск подберем кого-нибудь другого.

Так и разрешился этот вопрос.

Михаил Михайлович был очень рад. В тот же день дал телеграмму жене. Он решил, что сам немедленно поедет в Домшино принимать больницу и устраивать квартиру, а жена одна доберется с двумя малышами до Вологды.

В Вологде они встретились в назначенный день. Сделали кое-какие покупки и переночевали в квартире доктора Кевролева, который к этому времени уже успел перебраться сюда.

В девятом часу утра, как только рассвело, за окном послышались бубенчики. Тройка земских лошадей остановилась у крыльца. Сани были удобные, глубокие, с кибиткой, со скамейкой для пассажиров и с облучком для ямщика. В глубине саней было сено и меховая полость.

Бубенчики то и дело нетерпеливо позванивали, пока наши пассажиры устранивались в санях. Колокольчик — подвязанный — молча висел под дугой.

День был морозный, солнечный. Ехать до Домшина надо было около 60 верст. Щечки и носики малышам намазали гусиным жиром, чтобы не поморозить их на ветру.

Лошади с места подхватили рысью и за несколько минут вывезли сани на окраину города. Здесь ямщик сделал маленькую остановку, чтобы развязать колокольчик.

Оттого ли, что так легко дышалось на морозном воздухе, или оттого, что молодые супруги перед этим долго не виделись, но звон колокольчика над заснеженными полями как-то особенно радовал душу. Такие поездки обычно запоминаются. Вокруг была прекрасная русская зима. А впереди — новая самостоятельная трудовая жизнь, именно такая, о какой Михаил Михайлович и Любовь Николаевна мечтали.

Под музыку колокольчика они почти весь путь говорили о том, как устроят свою жизнь, как будут совмещать врачебную деятельность с просветительской, помогать крестьянам в их тяжелой, беспросветной жизни.

В Терпелове сменился ямщик, сменили лошадей, а сани остались те же, с той же упряжью, с теми же бубенцами и колокольчиком.

Дальше ехали не спеша, с остановками, любуясь дорогой. Лошади на холмы поднимались шагом. На спусках ямщик ударял их вожжами по бокам, и они снова бежали рысью.

Наконец с холма перед деревней Нестерово увидели окрестности Домшина. Это была поистине чарующая картина: на широком белом просторе раскинулось

несколько спокойных, пологих холмов. По холмам в разных направлениях зелеными и серыми полосками и пятнами пестрели небольшие рощи и перелески. На вершинах и на склонах холмов размещались приземистые деревушки, занесенные снегом. Кое-где дымок из труб поднимался и таял в лазурном небе.

На самом высоком холме было расположено село Домшино. В центре его красовалась своими куполами церковь. Вдали, куда ни глянь, по всему широкому горизонту чернел лес.

Начинало смеркаться. Кое-где в разбросанных по холмам деревнях в окнах зажигались ранние огоньки.

Наши путешественники, остановив лошадей, несколько минут смотрели на Домшино и любовались окружающей его красотой. На всю жизнь им запомнился и этот день, и этот прекрасный торжественный момент.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ДОМШИНЕ

НАШ РАССКАЗ О ДОМШИНЕ относится к тем временам, когда из Вологды в Петербург ездили на лошадях по петербургскому шоссе, которое проходило через Нестерово.

Домшино тогда было самым крупным селом во всей волости. Оно славилось прекрасными хлебами и травами, хорошим молочным скотом и маслодельным заводом, продукция которого была известна далеко за пределами Вологодской губернии. Село было одновременно и торговым, и церковноприходским центром. Насчитывалось в нем 85 дворов.

Два раза в год в Домшине проводились ярмарки, приуроченные к церковным праздникам. На ярмарки съезжались купцы вологодские, череповецкие, ярославские. Они привозили промышленные и кустарные товары, железо-скобяные изделия, мануфактуру, кондитерские товары: пряники, халву, заливные орехи и прочее. Из некоторых окрестных сел и деревень крестьяне привозили сюда изделия местного производства: сбрую, дуги, хомуты, колеса, корзины из бересты и дранки, кружева.

Ярмарки сопровождались гуляньями. Торговые ряды от ярмарки до ярмарки не разбирались и стояли здесь за дубовой оградой десятки лет. Все это — ярмарки, гулянья, богомолья и близость большой дороги — давало оборотистым мужичкам немалые заработки. В окрестных деревнях народ жил значительно хуже. Там было много и бескоровных, и безлошадных, и безземельных крестьян, которые батрачили, ежегодно уходили на отхожие промыслы, но все же подчас не сводили концы с концами.

Деревенской интеллигенции в Домшине было больше, чем в Нестерово, хотя в последнем находилось волостное правление. В Домшине жили доктор, фельдшер, ветеринарный врач, ветеринарный фельдшер, становой пристав, духовенство, две учительницы и учитель Нестеровской церковноприходской школы. Здесь жила и одна политическая ссыльная — социал-демократка Вера Гурари.

Больница была расположена посредине села — наискосок от церкви и напротив торговых рядов, в двухэтажном деревянном доме. Широкое крыльцо в четыре ступеньки вело в просторные сени. В нижнем этаже, по обе стороны от сеней, были симметрично расположены две квартиры. Налево от входа — квартира фельдшера (здесь жила семья Прибыткова Нила Павловича), а направо — врача.

Обе квартиры по планировке были одинаковы и состояли каждая из двух комнат, прихожей и кухни. В общих сенях была расположена лестница, ведущая на второй этаж, где помещались амбулатория, аптека и стационар из двух палат по четыре койки в каждой.

Михаил Михайлович с первых дней работы в Домшине, помимо обычных приемов больных в амбулатории, стал проводить приемы и в других деревнях своего врачебного участка, на фельдшерских пунктах. Он заранее сообщал в эти деревни, когда и где будет принимать. Приходило к нему по 50—60 человек. Работать приходилось с утра до вечера.

Крестьянам нравилось внимательное и вежливое «обхождение» доктора, и о нем очень скоро пошла добрая молва.

Что же касается Любви Николаевны, то она завоевала симпатии еще быстрее. Женщины Домшина сразу заметили, что «докторша» очень общительна, с народом держится просто — «не гордая». Заметили и то, что не успела она

сама как следует устроиться в своей квартире, как занялась подготовкой елки для деревенских детей.

Прошла зима, наступила весна 1895 года. Любовь Николаевна стала душой домшинского деревенского общества. У Содманов было довольно много книг, и она, как только поближе познакомилась с людьми, стала устраивать чтения вслух. Для Домшина это было необычным. Такими делами никто здесь, конечно, до этого не занимался.

ВОИНСТВУЮЩАЯ МЕДИЦИНА

В КОНЦЕ ПРОШЛОГО ВЕКА земскому врачу в деревне приходилось сталкиваться с активным сопротивлением разного рода знахарей, ворожей и прочих шарлатанов, пользовавшихся невежеством и религиозными предрассудками народа. Порой они открыто вступали в бой с медициной, иногда даже с помощью камней и дубинок. Чем дальше в глушь, тем упорнее держались в народе самые дикие суеверия. Крестьяне, например, были убеждены, что все болезни существуют только «от бога» и являются его наказанием за «первородный грех». Исцеление от болезней это тоже, по их понятию, дело божие.

Любопытно, что суеверные люди, верившие в «божественное послание» болезней, допускали, что вылечить их могут совершенно темные и безграмотные люди — знахари (читатель должен понимать, что между народной медициной, вобравшей в себя многовековой опыт людей, и знахарством — огромная разница). Возьмет такой знахарь из печки золу, забормочет над ней что-то бессмысленное, поплочет на нее, подует, и... зелье готово.

Михаилу Михайловичу приходилось сталкиваться со знахарским «заговариванием зубов». Это делалось таким образом: больной выходил со знахарем на улицу, когда в небе находился молодой месяц. Он должен был встать лицом к месяцу и с верой в исцеление смотреть на него, пока знахарь бормочет слова своего нелепого и примитивного заговора:

Месяц, месяц, златы рожки,
Посеребрянные ножки!
С неба, месяц, снизойди (и т. д.)

Как это ни дико, но текст этого «заговора» был широко распространен среди знахарей. Им пользовались не только в Вологодской, но и в некоторых других губерниях России. Люди верили в его таинственную силу и платили знахарям кто хлебом, кто куренком.

Чтобы вылечить грыжу, считалось необходимым поймать мышь. Знахарь заставлял ее укунить большое место. Потом он убивал эту мышь, приговаривая при этом тоже какое-то заклинание.

В 1895 году доктору Содману пришлось столкнуться с одним популярным в уезде знахарем — стариком, который якобы умел «заговаривать» раны. В арсенале его средств были, между прочим, камни, которые он подогревал на костре. В качестве заклинания он нашептывал слова молитвы «Отче наш» в обратном порядке, от конца к началу. Получался бессмысленный набор слов.

Был такой случай. В одной из деревень бык пропорол рогами живот мальчику-пастушонку.

Когда Михаил Михайлович с фельдшером Прибытковым приехали, мальчик был жив, но потерял много крови, состояние было тяжелое. На ране лежали три небольших камня. Рядом догорал костер. Вокруг толпился народ. Знахарь бормотал свое заклинание.

— Что вы делаете? — воскликнул Михаил Михайлович. Он быстро подошел и быстрым движением, но осторожно отбросил в сторону камни.

Знахарь с каким-то злобным выражением отодвинулся. Видимо, он был уверен, что спасти мальчика уже нельзя.

Михаил Михайлович сделал мальчику укол. Вместе с Прибытковым положил его на носилки и перенес в избу. Здесь Михаил Михайлович тщательно обследовал рану, промыл ее, зашил, наложил повязку. Рана была большая и глубокая, но, к счастью, внутренние органы не задеты.

После операции мальчику было предписано неподвижно лежать. Нил Павлович Прибытков ежедневно навещал его. Через несколько дней больного родители и родственники на носилках перенесли в больницу.

Рана заживала. Мальчик был спасен.

Надо сказать, что это событие было не только личной победой Михаила Михайловича, но и вообще победой медицины над темнотой и невежеством. Оказывается, в тот день на место происшествия были вызваны одновременно и доктор, и знахарь.

Еще более сложный случай произошел в деревне Минейка. Там доктор Содман неминуемо прослыл бы антихристом, если бы опять не одержал победу.

Случились тяжелые роды. Женщина мучилась уже третий день. Около нее два дня возилась знахарка. Это была невежественная и глупая старуха. Она уже испробовала все свои средства, даже сажала роженицу в русскую печку и каким-то способом подвешивала ее вниз головой. Ничто не помогало. Роженица извлеклась и, казалось, была уже при смерти.

Тогда старуха объявила мужу роженицы, что «господу богу угодно, чтобы Степанида померла».

Хозяин не поверил. Трясущимися руками он запряг свою лошаденку и во весь дух погнал ее в Домшино за доктором.

Михаил Михайлович приехал быстро. Знахарка встретила его с недовольством: уже объявила толпившимся у крыльца бабам, что Степанида, по воле божией, умирает. Она была уверена, как и тот знахарь, что никакой доктор уже не поможет. И вдруг все услышали сквозь окошко первый крик ребенка, и немного погодя стало известно, что с помощью доктора Степанида разрешилась — родила мальчика и сама жива.

Вся деревня, уже готовая проклясть доктора за «противление воле божией», теперь усомнилась в «познаниях» и силе знахарки. Счастливому отцу ребенка Михаил Михайлович, уезжая, сказал: «Гоните вы прочь эту знахарку! На порог ее не пускайте, и другим закажите!»

Добрая слава Михаила Михайловича росла. Много было различных эпизодов за четыре года его работы в деревне. Все они типичны для практики земских врачей, работавших в прошлом столетии в русской деревенской глуши. Я расскажу еще лишь об одном. И только потому, что он имел для семьи Михаила Михайловича серьезные последствия.

Дело в том, что по всей Руси великой с незапамятных времен в праздники Крещения, то есть 6-го января по старому стилю, на всех реках, где только имелись удобные для этого места, совершались богослужения над прорубями. Верующие шли к таким прорубям «крестным ходом» со священником во главе, с иконами, с хоругвями, с евангелием и священными сосудами. Происходило так называемое «водосвятие».

По сути дела это было религиозной инсценировкой, воспроизводившей библейскую легенду о крещении Иисуса Христа. По ходу шествия священник погружал в воду крест, и считалось, что после этого вода в проруби становится святой. Церковные служители напльняли сосуды, и богослужение заканчивалось. Крестный ход торжественно возвращался в церковь, неся «святую воду».

В народе было широко распространено поверье, что от любой болезни можно исцелиться, если сразу после «водосвятия» окунуться в прорубь с молитвой и верой в исцеление.

И вот 6-го января 1898 года, как только крестный ход удалился от Шексны, к проруби на санях тотчас подъехали трое мужиков. Один из них быстро разделся и прыгнул в ледяную воду. Он окунулся с головой и, раскрасневшийся, снова выбрался на лед. На санях он наскоро вытерся, оделся, и мужички погна-ли лошадь домой.

Это был крестьянин Митрофан Попов. Перед этим он долго болел затяжной и изнурительной болезнью легких и теперь решил целиком положиться на волю божию. Однако на следующий день почувствовал себя очень плохо.

Михаил Михайлович оказал Попову неотложную помощь на дому, а через два дня положил его в больницу.

Попов выздоравливал медленно: пролежал в больнице около месяца. В конце февраля, выписывая его из больницы, Михаил Михайлович сказал, что купание в проруби было с его, Попова, стороны большой глупостью, потому что болел он воспалением легких, и жизнь его была в опасности.

— И впредь, — сказал Михаил Михайлович, — если будете чувствовать себя плохо, не в прорубь лезьте и не богу молитесь, а идите на фельдшерский пункт или в больницу.

С этим они и расстались. И все было бы прекрасно. К сожалению, этой беседой дело не закончилось.

Трудно понять логику Дарьи — жены Митрофана Попова. Казалось бы, ей остается только радоваться и благодарить доктора, спасшего жизнь ее мужу. Она и благодарила. Но в то же время стали мучить угрызения совести:

— Как же это можно отказаться от божьей помощи? Грех-то какой!

И весной в великий пост на исповеди она поведала священнику о сомнениях, терзавших ее душу. Конечно, она рассказала и о докторе, о словах, сказанных Содманом ее мужу. Она почувствовала облегчение только тогда, когда священник, заканчивая обряд исповедания, сказал: «Да простятся тебе твои прегрешения»...

ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА НА КУЛЬТУРНОЙ НИВЕ

В ЯНВАРЕ 1896 ГОДА у Михаила Михайловича увеличилось семейство. Родился второй сын. Теперь в семье стало уже трое детей. Новорожденного мальчика назвали Николаем. Наденьке в это время было уже два года, а Леше — четыре. Любовь Николаевна наняла няню.

Это была невысокого роста худенькая женщина, ласковая, с лучистыми и добрыми темно-карими глазами. Ее звали Олимпиадой, а сокращенно — Липой.

Не имея собственного земельного надела, Олимпиада несколько лет батрачила, а теперь вот нанялась няней. Она хорошо помнила крепостную жизнь, и ее глубоко трогало сердечное отношение со стороны своих новых хозяев. Скоро она так привязалась к ним, что решила остаться у них на всю жизнь. И, действительно, она проработала у них 22 года — сначала няней, а потом кухаркой — и умерла в Вологде в начале 1919 года на семьдесят пятом году жизни.

Летом 1896 года Липу можно было часто видеть в Домшине у больницы с тремя ребятами: на руках — Коля, за ручку — Надя, а впереди — Леша с мячиком.

Иногда в палисадник или на крылечко к детям выходила сама Любовь Николаевна, и тогда становилось весело, потому что Любовь Николаевна обладала способностью у всех поднимать настроение и всех заражать весельем.

Вечерами, когда крестьяне возвращались с полей, на этом самом крылечке часто собирались взрослые. Беседовали. Беседы почти всегда заканчивались песнями. Пели разное: «Не осенний мелкий дождичек», «Мой костер», «Вниз по матушке по Волге», «Тройку» и много-много другого.

По вечерней росе песни были слышны за несколько верст. И сильнее всех звучал прекрасный голос Любви Николаевны. Какие это были чудесные вечера! Впоследствии, через много лет, Любовь Николаевна часто вспоминала Домшину и говорила, что здесь прошли лучшие годы ее жизни. Вот несколько строк из ее неопубликованных записок:

«Четыре года, которые мы провели в этом селе за работой по душе, пролетели, как недели.

Здесь было широкое поле деятельности, желанной, такой, о какой мы мечтали и к какой стремились... Чего только я здесь не делала! У меня завязалась крепкая дружба с крестьянами и крестьянскими ребятами. На рождественских праздниках мы на свои скромные средства устраивали детям елку. Готовились мы к елкам чуть ли не с октября месяца. Шили игрушки, мешки для гостинцев, клеили картонажи. Все необходимое мы раз в месяц, 20-го числа, привозили из Вологды. Двадцатое — это был день выдачи жалованья в земстве. В этот день все участковые врачи съезжались для совещаний и получения жалованья. Иногда и я ездила в Вологду. Получив деньги, мы добрую толику оставляли в Вологде, закупая книжечки, канцелярские принадлежности, ситец, игрушки и т. д. Приобрели и аристофан — музыкальный инструмент с металлическими пластинками. На елках этот аристофан гремел с утра до вечера. Дети плясали и пели. Взрослые на них глядели. Бывало так тесно, что яблоку негде упасть, жарко, пот лил ручьями, но — весело.

Слава о наших елках долетела до города, и совершенно чужие, незнакомые нам люди приезжали, чтоб посмотреть на эти елки, полюбоваться на безудержную радость детей...

Для взрослых крестьян мы ежегодно выписывали журналы: «Нива», «Природа и люди», «Вокруг света», «Неделя», «Читальня народной школы» и другие.

Мы стремились к тому, чтобы крестьяне отвыкли от азартных игр в карты, чтобы они меньше пьянствовали. Ведь не было престольного праздника, который не закончился бы смертельной дракой. А свадьба — не свадьба, если она не заканчивалась убийством...»

Надо сказать, что Любовь Николаевна в детстве любила читать и петь. В гимназические годы увлекалась Некрасовым и Чернышевским, читала Белинского, Добролюбова, Омулевского. Именно под их влиянием складывалось ее мировоззрение, она с юных лет стремилась в деревню и теперь, оказавшись в сельской местности, была рада отдавать крестьянам свое свободное время, свои знания и способности. Она полюбила Домшино. Никуда не хотела отсюда уезжать.

Здесь следует заметить, что в те годы только марксисты замечали и понимали классовое расслоение деревни. Подавляющее же большинство интеллигенции, и Любовь Николаевна в том числе, не различали крестьян-эксплуататоров и крестьян-эксплуатируемых. Для них работники сельского хозяйства были просто крестьянами. Одних они считали богатыми крестьянами, других — бедными, только и всего. Понятия о классовых процессах в деревне дошли до широких кругов интеллигенции значительно позже.

В одном из номеров журнала «Читальня народной школы» было опубликовано описание самодельного «волшебного фонаря». Оказалось, что сделать эту вещь не очень трудно. Учитель Александр Васильевич, будучи однажды в Вологде, купил линзы и на досуге смастерил фонарь. Вскоре он пригодился.

В Нестеровской школе священник Мальцев проводил так называемые религиозно-нравственные беседы. Он читал книжку Пуциковича «Жизнь Иисуса Христа». С некоторых пор и Любовь Николаевна стала здесь организовывать беседы для широкого круга крестьян. Она читала исторические рассказы из книги «29 чтений по истории». Книга была с картинками, и Яковлев с помощью «волшебного фонаря» передавал эти картинки на экран.

Не видевшие раньше ничего подобного, крестьяне с интересом посещали беседы и были ими очень довольны.

Неподалеку от Домшина в собственном имении Порозово жил помещик Зубов Нил Николаевич. Он был земским начальником, по долгу службы приезжал в Домшино и Нестерово для разбора крестьянских дел, по большей части связанных с разными драками, поножовщиной. Зубов был культурным человеком и держался либеральных взглядов в вопросах народного просвещения. На одном из сельских сходов убедил крестьян отчислить по две копейки с души на библиотеку. К сумме, полученной таким путем, Любовь Николаевна добавила деньги, пожертвованные другими сельскими интеллигентами. Сама она отдала в библиотеку почти все свои книги.

«...Таким образом, — писала она впоследствии, — мы сумели открыть при Нестеровской школе библиотеку, о которой с похвалой отозвалась газета «Вологодские губернские ведомости» в заметке под заголовком «Вести из Нестерова» (январь 1899 года)».

Она особо отмечает двух читателей, которые потом стали видными в Вологодской губернии общественными и партийными деятелями. Один из них — сын фельдшера — Сережа Прибытков, другой...

«Прекрасно помню, — пишет Любовь Николаевна, — своего читателя из деревни Курьяково, худенького юношу Ваню Ермолаева, который в первый раз прибежал босиком, в широкополой соломенной шляпе от солнца. Он стал потом в нашей библиотеке самым активным читателем...»

Этот Ваня Ермолаев (Иван Ефимович) происходил из бедняцкой семьи, которая, как он сам пишет, часто голодала. В тот год ему было 15 лет. Двухклассное училище он окончил в Ярославской губернии, где жил вместе с матерью. В 1893 году вместе с нею возвратился в родную деревню Курьяково, неподалеку от Домшина и от Нестерова.

У Ермолаева была большая жажда знаний. Он очень любил читать. Хотел учиться дальше. Его не удовлетворяло двухклассное училище. Большую роль в его жизни сыграли, с одной стороны, библиотека, основанная в Нестерове Любовью Николаевной, а с другой — беседы сыльной Веры Гурари, которая многое разъяснила этому умному и любознательному парню. Она сообщила ему о фельдшерской школе, только что открытой в Вологде. Обучение и содержание учащихся в школе было бесплатное, за счет земства.

Гурари помогла Ермолаеву подготовиться к экзаменам, и он был принят. В 1899 году окончил фельдшерскую школу и остался работать в Вологде. Иван Ефимович стал профессиональным революционером-большевиком.

Эту же Вологодскую земскую фельдшерскую школу окончил и сын домшинского фельдшера Прибыткова — Сергей Нилевич. Он тоже стал большевиком. Впоследствии эти два товарища оказались в числе первых организаторов вологодского большевистского подполья вместе с Варенцовой, Саммером, Быстровой, Брюхановым, Мальцевым и другими.

ЖАЛОБЫ

«**ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА** нашей целеустремленной работы мы могли наблюдать, что крестьяне, которые раньше постоянно пьянствовали, теперь все чаще и чаще стали браться за книжку...» — вспоминала Любовь Николаевна.

На фоне бескультурья деревенской жизни того времени Домшино стало постепенно выделяться, как село передовое. К сожалению, это продолжалось очень недолго. По мере того как у Михаила Михайловича и Любови Николаевны крепла дружба с крестьянами, на них начали косо поглядывать и становой пристав, и священник. В Вологду посыпались жалобы.

«На нашем примере, — пишет Любовь Николаевна в своих записках, — подтвердились слова Веры Фигнер, что не только революционная, но даже и просветительная — культурная работа при надзоре урядников, становых, исправников и их приспешников была в деревне невозможной».

До нас дошли некоторые документы. Вот, например, письмо домшинского священника в вологодскую духовную консисторию на имя архиепископа. Письмо начинается так:

«Преосвященнейший владыко!

Настоящим дерзаю обратиться к Вашему преосвященству по вопросу о некоторых событиях в жизни прихода Домшинской Христорождественской церкви»...

Далее священник рассказывает, что с 1895 года в домшинской больнице работает доктор Содман, который своими речами подрывает веру прихожан в божью благодать и в божественное исцеление недугов, а его жена развращает православных вредными книгами.

«В ее библиотеке, — пишет священник, — нет таких книг, как псалтырь, часослов, акафист, святцы, молитвенники, зато имеются книги вольнодумного содержания»...

Особенно «батюшку» возмущало, что под ее руководством крестьяне разучивают вольнодумные песни.

«Вместо разучивания церковных песнопений, — говорится в письме, — она учит крестьян петь, например, — «Укажи мне такую обитель», хотя ведомо, что в приходе имеются еще лица, которые не умеют петь «Царю небесный», «Иже херувимы» и другие песнопения и молитвы».

В письме упоминается о том случае с крестьянином Поповым, искупавшимся в праздник Крещения в «священной» воде реки Шексны: «Доктор Содман, которого вызвали из Домшина, выслушав жалобы Попова, сказал, что для больного человека купанье в проруби в крещенский мороз было глупостью и что надо не богу молиться, а ложиться в больницу. Попова положили в больницу. Он вылечился и в настоящее время здравствует. Дарья же — жена Попова — на исповеди покаялась, что в мыслях ее возникли сомнения в божьей благодати и в целительной силе святой богоявленской воды...»

Далее священник просит научить его, «как надлежит бороться против удобозаразительных соблазнов, сомнений и вольнодумства». «С своей стороны, — пишет он, — я считал бы за благо, если бы распоряжением земства доктора Содмана перевели куда-нибудь из нашего уезда, сделав ему при этом соответствующее назидание. К нам же, в Домшино, прислали бы другого доктора».

Письмо заканчивалось пожеланиями: «Да укрепит господь Ваши силы и да ниспошлет Вам доброго здоровья на многие лета и многие лета». Дата — 18 ноября 1898 года.

23-го ноября оно было получено в духовной консистории. Но жалоба долгое время оставалась без последствий, так как в земстве не было намерения переводить Михаила Михайловича. Его считали хорошим врачом. Оснований для перевода в худшие условия не было. А сам он из Домшина уезжать не хотел.

Кто знает, может быть, ходатайство священника и не достигло бы цели,

если бы его не подтверждали донесения станового пристава. Но в том-то и дело, что с некоторых пор становой пристав в своих ежемесячных донесениях, которые он представлял в губернское управление, тоже стал сообщать, что врач домшинской уездной земской больницы Содман М. М. насаждает среди крестьян вольнодумство и дает читать местной интеллигенции некоторые запрещенные книги.

В конце концов председатель губернской земской управы А. А. Можайский порекомендовал Михаилу Михайловичу дать согласие на перевод. Ему предложили в Вологде должность участкового врача первого (пригородного) участка. Михаил Михайлович дал согласие. Амбулатория, в которой ему предстояло работать, находилась на западной окраине города, возле церкви Спаса на болоте.

В Домшино был назначен доктор Саканцев.

ПРОЩАНИЕ С ДОМШИНЫМ

ВЕСТЬ О ТОМ, что Содманы уезжают, облетела окрестные деревни, и крестьяне начали приходить прощаться. Прощальные беседы несколько дней не прекращались и в квартире доктора, и на крыльчке больницы.

Из неофициальных разговоров Михаил Михайлович знал, что на него поступили жалобы от священника и от пристава. Предрассудки и глупость торжествовали, и ничего нельзя было с ними поделать.

Было грустно. В памяти одна за другой вставали характерные картины деревенской жизни. Вспоминались больные, которых он вылечил, родители, кому он спас детей. Вспоминались разезды в летнюю пору, и запах цветущих полей, и запах сена, и земский тарантас.

В последний вечер перед отъездом Михаил Михайлович долго сидел на крыльчке больницы, слушал «вечерний звон».

Домшинская церковь перезванивалась-переговаривалась с какими-то двумя отдаленными церквями. Звонари соревновались в своем искусстве. Один остановится — послушает, как звонят другие. Потом другой остановится — тоже послушает. Красиво работают. Звуки плывут по широким просторам, будто покачиваются от дуновений ветерка, то усиливаясь, то затихая.

Солнышко нижним краем уже коснулось черных зубцов дальнего леса. С полей повеяло прохладой. Пастушок гонит коров в Нестерово, в руке у него небольшой пруттик. Коровы степенно идут через село, молча кивая головами...

Вот и пролетели четыре года. Многое собирались они свершить. Кое-что успели. А если не все планы выполнили, есть ли в этом их вина?

...Толпа народу провожала семейство Михаила Михайловича далеко за пределы Домшина. Некоторые мужики, взяв лошадей под уздцы, вели их шагом. Только на краю Нестерова провожающие остановились. Ямщик хлестнул лошадей, и они рысью покатали тарантас дальше, к Вологде.

В ЦЕНТРЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ВОЛОГДЫ

ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА В ШУТКУ ГОВОРИЛА, что ее первое знакомство с вологжанами произошло из-за афиши.

Однажды она прочитала рекламное объявление, что культурно-просветительное «Общество бесплатной библиотеки» в мае 1899 года устраивает благотворительный концерт, чистый сбор с которого поступит в фонд помощи голодающим крестьянам. Мелким шрифтом в афише сообщалось, что общество приглашает любителей хорового пения принять участие в концерте. И вот в один прекрасный день в правлении общества появляется молодая, жизнерадостная, сияющая толстушка и заявляет, что она пришла «по афише» и хочет записаться в хор.

За годы жизни в Домшине Любовь Николаевна изрядно пополнела, по ни в коей мере не утратила природной живости, подвижности и энергии. Она сразу же всем приглянулась, а ей понравились члены правления. С этого дня она стала регулярно посещать репетиции хора, который создавался под руководством Д. Д. Виленского.

Концерт прошел удачно. В хоре из оперы «Фауст» Любовь Николаевна пропела всего одну фразу соло (это были слова Зибеля: «Вот здесь должна пройти она»), но люди, разбирающиеся в музыке, сразу заметили, что прозвучал голос весьма незаурядный.

М. М. и Л. Н. Содман-Михайловы (1900 г.)

Вскоре она снова выступала в составе этого же хора, и голос ее опять был замечен. А в ноябре того же года Любовь Николаевну попросили участвовать в «Народном концерте» с сольным пением.

Как она волновалась тогда! Все же первое сольное выступление. Но романс «Ты не плачь, не плачь, сиротинушка» исполнила замечательно. Бурные и бесконечные аплодисменты вознаградили ее за все волнения.

Затем последовали концерты в бесплатной женской воскресной школе, в зале Дворянского собрания. Эти выступления решили ее судьбу. О ней стали писать в местной газете. Ее приглашают буквально на все любительские концерты. А концерты в Вологде устраиваются все чаще и чаще, особенно в пользу голодающих, в пользу нуждающихся студентов, в пользу нуждающихся учеников гимназии, в пользу учеников торговой школы. Несколько позднее — в 1904 и 1905 годах — Любовь Николаевна даже сама устраивала концерты, сбор с которых нелегальными путями поступал в пользу бастовавших рабочих.

Она выступала и в дуэтах, и в трио, и в сопровождении скрипки, виолончели, флейты. В первое время ей самой это казалось удивительным и странным. В прошлом она никогда не думала и не мечтала о такой деятельности и о таких успехах.

Однажды она пела романс Гурилева «Однозвучно гремит колокольчик». На вологодской эстраде это произведение тогда исполнялось впервые.

Любовь Николаевна безгранично любила русскую деревню. Мысль о деревне всегда ассоциировалась у нее с милым сердцу Домшиным, где она знала каждый уголок, каждую былинку. Звон колокольчика под дугой земской тройки будил в ее душе сильные чувства, одновременно и радостные, и грустные. Радостные были связаны с памятью о том, как ехали в Домшино в первый раз, и о том, как иногда ездили в Вологду и возвращались обратно. Грустные — с последней прощальной поездкой, когда колокольчик так выразительно плакал...

И вот на одном концерте в зале Дворянского собрания она спела этот романс, вложив в него всю свою любовь к Родине и к людям, которым отдала четыре года своей жизни и которым продолжала служить и теперь всем своим сердцем. Она пела так, что весь зал, как зачарованный, не просто слушал, а буквально переживал вместе с нею каждый звук, каждое слово романса.

Аплодисменты и возгласы «браво» и «бис» превратились в сплошной гул, в бурю оваций и не умолкали до тех пор, пока Любовь Николаевна не повторила эту вещь. Этот романс долгое время не сходил потом с вологодской эстрады. Любовь Николаевна исполняла его на многих концертах.

...Михаил Михайлович снимал квартиру на Благовещенской улице в доме Новоニコльского (сейчас это улица Батюшкова).

Тогда это был белый дом. В палисаднике зеленела живая изгородь из гортензии. В центре росло несколько высоких кустов сирени. Сейчас нет ни этих кустов сирени, ни живой изгороди. Домик стал как будто меньше, ушел в землю, посерел. Это — старость. Его, наверно, скоро снесут. На освободившемся месте построят новый, большой, красивый, современный. Но в начале века дом был молодым и красивым, по сравнению с другими.

В начале 1900 года Михаилу Михайловичу посчастливилось купить пианино. Его продал знакомый врач, уезжавший из Вологды. Любовь Николаевна

не умела играть, тем не менее пианино внесло в жизнь семьи большие перемены. Если прежде на репетиции надо было ходить в Дворянское собрание, то теперь их можно было проводить дома. Да и вся жизнь пошла стремительней, стала интереснее и полнее.

Жила в Вологде некая пожилая женщина, Жубранская Ядвига Ивановна с сыном Яшей и дочкой Люсей. Ядвига Ивановна прекрасно играла на рояле. С Любовью Николаевной она познакомилась на общественной работе в «Обществе бесплатной библиотеки».

Женщины подружились. А теперь, когда у Любови Николаевны появилось пианино, Ядвига Ивановна стала у Содманов постоянной гостьей. Жила она поблизости, и случилось, что заходила по 2-3 раза в день, особенно в те дни, когда они вместе готовились к концертам. Дом наполнялся музыкой. Репертуар Любови Николаевны вырос и стал уже довольно разнообразным.

Вскоре в белом домике стали бывать все вологодские любители-музыканты, участвующие в благотворительных концертах, в том числе: талантливый певец-баритон ссыльный Эмиль Яковлевич Красиловский, молодой скрипач-самоучка Евграф Петрович Путилин, способные музыканты-студенты Иван Павлович Дмитриевский (фортепьяно), Цезарь Монстович (баритон) и другие. Музыкальная жизнь Вологды, недавно зародившаяся, росла и расцветала.

Время на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков было в России похоже на раннее утро перед восходом солнца, когда еще не совсем рассвело, но уже дуют свежие предутренние ветры. Известный в те годы писатель и публицист Скиталец писал: «Отовсюду как бы выпирало молодую русскую талантливость. Все расцветало... В воздухе веяло обновлением, и, казалось, вся Россия пробуждалась и грезила какими-то сказочными радужными снами...»

ЕВГРАФ ПЕТРОВИЧ ПУТИЛИН

ОДНИМ ИЗ САМЫХ ЯРКИХ представителей такой «молодой русской талантливости» в окружении Содманов был Евграф Петрович Путилин — незаурядный музыкант и общественник, сыгравший в музыкальной жизни тогдашней Вологды прекрасную и видную роль, чем и заслуживший светлую память у своих земляков.

Детство Путилина прошло в Варшаве, где его отец служил скромным чиновником. Интерес к музыке, унаследованный от матери, проявился у него еще в раннем детстве. Бывая с матерью на концертах, он пробирался поближе к оркестру и, прижавшись в угол, как зачарованный, часами смотрел и слушал. Уступая его просьбам, мама купила скрипку, а кто-то из музыкантов театра дал ему первые понятия об игре на этом инструменте.

Но систематического музыкального образования Евграф Петрович так и не получил. Лишь от случая к случаю он пользовался консультациями некоторых музыкантов. Все же, благодаря исключительному дарованию и упорству, он в короткое время овладел трудным инструментом и в восемнадцатилетнем возрасте с успехом самостоятельно выступал в концертах.

Когда семья Содман-Михайлова приехала в Вологду, Евграф Петрович занимал небольшую должность в так называемой Казенной палате. Работа давала ему необходимый прожиточный минимум, но душа его принадлежала музыке. Он отдавал ей все свое время, свободное от службы. В те годы он был лучшим в Вологде скрипачом и бескорыстно выступал на всех благотворительных концертах. При этом у него никогда не проходило желание совершенствоваться. В Вологде не было ни музыкальных учреждений, ни лиц, с которыми он мог бы посоветоваться. Любовь Николаевна вспоминала, что Евграф Петрович из Вологды три раза ездил в Петербург к известным профессорам консультироваться. «...Нужно было видеть, — писала она, — как пылало счастьем лицо, когда он по возвращении рассказывал об этих консультациях». Профессора с большой похвалой отзывались о его искусстве.

В 1905 году Евграф Петрович ушел из Казенной палаты и полностью отдался музыкальной деятельности. Он организовал симфонический оркестр при городском театре и руководил им десять лет. Позднее работал в кино и одновременно давал уроки на скрипке. После Октябрьской революции он остался деятельным работником искусства, участвовал в симфоническом оркестре Губоно и Губвоенкомата, играл в военном оркестре, выступал в сольных концертах.

В 1925 году музыкальная общественность Вологды отметила двадцатипятилетний юбилей его музыкальной и общественной деятельности.

ОБЩЕСТВО «ПОМОЩЬ»

НО УЧАСТИЕ В БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ КОНЦЕРТАХ — только одна сторона общественных интересов Любови Николаевны. Кроме того, она все больше и больше погружалась в заботы «Общества бесплатной библиотеки», а вскоре, после объединения его с «Обществом народных чтений», и в дела нового общества «Помощь».

В правление его были избраны все наиболее видные и активные представители вологодской прогрессивной общественности. Из новых же вологжан.— Любовь Николаевна Содман-Михайлова, за несколько месяцев успевшая зарекомендовать себя неутомимой общественницей. Никто не мог с ней сравниться в живости и энергии. Оказавшись в правлении общества, она сумела нагрузиться общественными делами по горло и была довольна.

Когда в правительственных инстанциях в Петербурге рассматривался и утверждался устав этого общества, чиновники Министерства народного образования рекомендовали, чтобы его просветительная деятельность имела «религиозно-нравственное» и монархическое направление. В действительности же с первого и до последнего дня своего существования «Помощь» вела исключительно прогрессивную работу, за что и была, в конце концов, правительственным постановлением распущена.

В политическом отношении правление общества было неоднородным. Наиболее радикальные левые взгляды отстаивал социал-демократ А. А. Тарутин, наиболее правые — сторонник ограниченной монархии В. Н. Сомов. Председатель общества Д. С. Богданов и его заместитель Б. А. Муликовский — сторонники буржуазно-демократической республики и в то же время противники революционных методов борьбы — старательно оберегали правление от политических споров, стараясь обеспечить дружную работу общества в рамках утвержденного правительством устава. Общество действительно работало дружно и сплоченно, хотя несколько и не в том направлении, какое рекомендовало Министерство народного образования.

Но «Помощь» была все же не революционной, а культурно-просветительной и благотворительной организацией, объединявшей демократически настроенные слои вологодской интеллигенции. Нет никакой возможности перечислить все ее дела. Это заняло бы много страниц. Коротко же можно сказать следующее: общество провело громадное количество благотворительных мероприятий, концертов, спектаклей и лотерей. Оно организовало подписные листы и кружечные сборы для создания фондов помощи голодающим крестьянам, бездомным детям, нуждающимся учащимся гимназий, торговой школы, студентам. Оказывало материальную помощь одиноким матерям, помогало женщинам в устройстве на работу, содержало бесплатную библиотеку, проводило бесплатные популярные лекции по санитарному просвещению и на другие темы, организовывало детские приюты, ночлежные дома, чайные, бесплатные вечерние школы для взрослых, устраивало детские развлечения, елки для бедных детей и прочее, и прочее.

«Помощь» подразделялась на десять секций, или, как их тогда называли, попечительства: попечительство о бедных и незащищенных детях, попечительство о воскресной школе, попечительство о народных развлечениях, попечительство о народной трезвости и другие. Любовь Николаевна, помимо работы в правлении, непосредственно участвовала в мероприятиях по нескольким попечительствам, а после отъезда из Вологды А. К. Писаревой, стала возглавлять и попечительство о бесплатной библиотеке.

По заданиям правления она проводила чтения литературы. И не только в читальне. В рабочих общежитиях, в детских приютах, в харчевнях и чайных, открытых попечительством о народной трезвости для извозчиков, а также в ночлежном доме, где на нарах сидели или вповалку лежали бездомные оборванцы. Нередко здесь находились люди, с которыми страшновато было встретиться в темном переулке. Бывали и совершенно безобидные, несчастные калеки и нищие, вызывавшие только сострадание, бывали и неудачники, выброшенные на улицу буржуазным обществом и не сумевшие найти себе места в жизни, и безвольные люди, спившиеся и потерявшие человеческий облик...

Любовь Николаевна в своих воспоминаниях об этих читках писала:

«Меня не смущал одуряющий запах пота и сивушной отрыжки или отчаянный хрип, раздававшийся иногда из какого-нибудь угла ночлежки, где меня слушали так называемые «золоторотцы». К слову сказать, эти последние никогда не позволяли себе никакой грубости».

Чтобы правильно оценить работу общества «Помощь», нужно учесть, что общественная работа тех дней сильно отличалась от знакомых и привычных нам форм деятельности. Сейчас общественная работа ведется широким фронтом, множеством первичных организаций во всех советских учреждениях, на производстве, в школах. В те времена не было ничего похожего. Никаких низовых организаций не было. Все члены общества работали как одиночки. Местные власти наблюдали только за тем, чтобы поменьше было просвещения, поменьше общественной активности, а значит, по их мнению, и «крамолы».

Правление общества было единственной в городе руководящей организацией, не имевшей никакой опоры в государственных учреждениях.

Рядовых членов общества было вряд ли более трех-четырёх тысяч человек. Они имели членские билеты, платили членские взносы и один-два раза в год проводили собрания по попечительствам.

Революционная работа в городе в эти годы тоже проводилась, но с соблюдением строжайшей конспирации. Ее вели другие люди. Сейчас о революционном подполье написано много прекрасных книг, а тогда о нем знали лишь очень немногие.

Анемподист Александрович Тарутин был причастен к подпольной работе. Через него вологодская группа социал-демократов влияла на общество «Помощь». В 1905 и 1906 годах губком РСДРП целый ряд мероприятий провел под вывеской общества.

ТОВАРИЩ ТАРУТИН

АНЕМПОДИСТ АЛЕКСАНДРОВИЧ имел книжный магазин на Кирилловской улице (теперь — улица Ленина) и при магазине — библиотеку.

В наше время может показаться странным: социал-демократ и — владелец магазина. Нам трудно совместить такие понятия. Но в те времена они совмещались очень естественно. Происходило это по той причине, что местные власти мешали Тарутину устроиться на работу. Для него были закрыты двери всех учреждений, куда бы он ни попытался поступить.

Начальник Вологодского губернского жандармского управления сообщал губернатору: «Тарутин Анемподист — личность крайне неблагонадежная... и вредно влияет на учащуюся молодежь».

В канцелярии губернатора о нем имелась такая запись:

«Тарутин Анемподист Александрович замечен в знакомстве и сношениях с лицами, состоящими под негласным надзором полиции, с административно-ссылными... и с воспитанниками реального училища... Все поименованные лица почти ежедневно бывают у Тарутина, причем собрания происходят обыкновенно в позднее время — с десяти-одиннадцати часов вечера до трех-четырёх-пяти часов утра. Прислуга на это время из квартиры удаляется, и окна закрываются шторами...»

Магазин давал Тарутину возможность материально поддерживать ссыльных и снабжать революционеров-подпольщиков нелегальной литературой. Как нелегальная литература попадала к Анемподисту Александровичу — было его партийной тайной. В магазине, библиотеке и в квартире Тарутина несколько раз производились обыски. Но тайна не была раскрыта. Его три раза арестовывали, он сидел в вологодской тюрьме, но пропагандистской работы не прекращал.

Анемподист Александрович жил в Вологде с 1893 года. Внешне был человеком несколько суровым, несловоохотливым и, пожалуй, даже угрюмым, но это лишь внешне. Товарищи по работе знали его как пламенного борца против самодержавия, человека большого мужества, высокой культуры, с добрым отзывчивым сердцем. Его книжный магазин с библиотекой был одним из первых в Вологде и Вологодской губернии очагов культуры.

Поскольку товарищ Тарутин активно работал одновременно и в легальных, и в нелегальных организациях, — он находился в центре всей общественной и политической жизни Вологды. Был знаком с Анатолием Васильевичем Луначарским, отбывавшим ссылку и по-дружески часто бывавшим в семье Тарутиных.

Имел широкую переписку со многими городами, был хорошо осведомлен о ходе революционной борьбы в России и о жизни русской эмиграции за границей.

В течение ряда лет Тарутин оставался негласным руководителем и идеологом общества. В Вологодский областной краеведческий музей и его библиотеку вложена большая часть души и много труда Анемподиста Александровича.

26 апреля 1924 года Анемподист Александрович скончался. Вологжане хранят о нем светлую память.

НАРОДНЫЙ ДОМ

В 1894 ГОДУ на одном из первых заседаний правления общества «Бесплатной библиотеки» Христофор Иванович Пахолков предложил построить для библиотеки специальный дом, который мог бы служить центром культурно-просветительной работы. Решили создать комиссию, которая должна была заняться изысканием необходимых денежных средств.

Эта комиссия начала давать публикации в газетах, делать отчисления со сборов с благотворительных концертов и спектаклей. По подписным листам стали поступать мелкие пожертвования (по 10, по 20 копеек) от беднейших слоев населения.

Правление общества первоначально думало собрать 3—4 тысячи рублей на маленький домик, чтобы в нем разместились только сама библиотека и квартира библиотекарши. Но в 1896 году решили: если строиться, так солидно, с кабинетом для чтения, аудиториями и тому подобным.

Министерство финансов отказалось помочь строительству. Смысл отказа, полученного через губернатора, сводился к тому, что в Вологде нужно сначала организовать попечительство трезвости, а уже после этого ставить вопрос о постройке Народного дома.

Общество «Помощь» продолжало сбор средств. Решающую помощь оказало земство, предоставившее беспроцентную ссуду — десять тысяч рублей — сроком на двадцать лет. Это сразу приблизило общество к достижению заветной цели. Однако сбор средств прекращать было еще рано. Комиссия, созданная в 1894 году, работала более восьми лет.

«Люди менялись, — говорил председатель правления Дмитрий Семенович Богданов на одном из отчетов, — уставшие уходили, на смену им являлись новые члены общества, но работа продолжалась».

Вологодская городская дума отвела место для строительства на Дворянском бульваре, там, где он пересекается с Пятницкой улицей (сейчас — Октябрьский бульвар). Проект здания составил московский архитектор, уроженец Вологды Геннадий Ерофеевич Попов, решивший таким образом послужить родному городу. Руководить строительством взялся член общества Дмитрий Александрович Ильин.

Строительство Народного дома было начато в мае 1902 года и закончилось в сентябре 1904 года. А 10 октября состоялось его открытие. Общее собрание членов общества решило назвать новое культурное учреждение города: «Народный дом имени Александра Сергеевича Пушкина».

Вскоре новый Дом стал центром всей многосторонней работы «Помощи». Что же касается Любови Николаевны, то для нее начался новый этап ее общественной деятельности. С этого дня она стала «пропадать» здесь с утра до вечера.

Народный дом нарушал установленные для него инструкции и обходил распоряжения начальства. Дело в том, что губком РСДРП, по согласованию с правлением общества «Помощь», использовал помещение для проведения нелегальных собраний рабочих.

«...В Народном доме один за другим идут митинги, — пишет Любовь Николаевна, — идет подготовка к забастовке вологодских почтово-телеграфных рабочих и служащих (ноябрь 1905 года). Как член правления общества «Помощь», как заведующая библиотекой и как живущая поблизости, я бывала здесь чаще и дольше других. Надо же было людям дать поговорить и организовать! Если бы полиция «накрыла» такой митинг, то я сказала бы, что это — общее собрание членов общества «Помощь»... Любовь Николаевна надеялась, что ей поверили бы. К счастью, ни одного митинга полиция здесь не «накрыла», хотя за 1905 год их было проведено очень много.

Любовь Николаевна имела мужество брать на себя и некоторые более опасные поручения.

В среду 22-го июня 1905 года в Пушкинском доме группа студентов устроила концерт. В афишах было написано, что он устраивается для увеличения средств студенческой библиотеки. В действительности же собранные деньги предназначались для поддержки забастовки Иваново-Вознесенских текстильщиков.

Любовь Николаевна была распорядительницей концерта.

Последним номером хор под управлением Евстафьева исполнил революционную песню «Не плачьте над трупами павших бойцов». Почти все присутствующие прослушали этот номер стоя...

По окончании концерта возбужденная публика стала требовать исполнения «Марсельезы». Но Евстафьев уже не мог собрать своего хора, хористы разошлись. Тогда публика запела сама и, выйдя из стен Народного дома, пошла с «Марсельезой» и другими революционными песнями по улицам города к центру. Полиция не воспрепятствовала этому шествию, так как оно оказалось совершенно неожиданным для нее. На Гостинодворской площади шествие закончилось, и толпа мирно разошлась.

За кулисами Народного дома осталась только распорядительница, Любовь Николаевна, со своими волнениями, достаточными, как она вспоминает, для бессонной ночи. Весь сбор с концерта она взяла на ночь домой, утром отнесла в банк и оформила в Иваново-Вознесенск на имя какого-то рабочего, как ей было указано.

«...Как реликвию, — пишет она в своих воспоминаниях, — храню я программу этого концерта. Я была счастлива, что мне удалось все это дело успешно довести до конца...»

И, действительно, это мероприятие прошло вполне успешно. Однако использование Пушкинского дома губкомом РСДРП для нелегальных собраний и митингов скрыть не удалось. Жандармское управление и управление губернатора имели об этих собраниях и митингах устные и письменные донесения от своих агентов.

ПЕРВЫЕ В ГУБЕРНИИ ДЕТСКИЕ ЯСЛИ

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ, переехав в Вологду, некоторое время еще продолжал жить заботами о домшинском врачебном участке. Именно они побудили его выступить в уездной земской управе с докладом о детских яслях.

Доклад был интересен. Мысли и факты, изложенные в нем, переросли пределы одного уезда. Поэтому он полностью был напечатан в газете «Вологодские губернские ведомости» от 30 октября 1899 года.

Это была первая попытка убедить руководящих деятелей управы в том, что жизнь настоятельно требует устройства в селах и деревнях детских яслей. Докладчик утверждал, что такое мероприятие не потребует от земства значительных затрат, потому что «многие лица придут на помощь благому начинанию своими пожертвованиями и личным трудом...»

«...Исходя из принципа, что главное назначение врача не лечить, а предупреждать болезни, я, как врач, — говорил Михаил Михайлович, — желал бы указать Вологодскому уездному земству легко выполнимый способ в значительной степени предупреждать заболевания и смертность в детском возрасте в селениях нашего уезда...»

«Детская смертность в деревнях России, — продолжал он, — достигла страшных размеров. Так, например, в Ирбитском уезде Пермской губернии в 1892 году умерло на первом году жизни 61,2 процента всех родившихся в этом году детей. В целом по Пермской губернии за этот год умерло 50,1 процента детей на пер-

А. А. Тарутин.

вом году жизни. Смертность детей в летнее время объясняется главным образом детскими поносами. Грудные дети и дети несколько постарше, оставляемые на целый день на попечение старух, а часто и стариков, во многих случаях слабых и больных, — являются для последних только тяжким бременем».

«Действительно, что может сделать больная старуха с грудным ребенком, привыкшим к молоку матери, который кричит до хрипоты от того, что вместо груди ему суют в рот тряпицу с какой-то отвратительной кислятиной — жеваным хлебом, прокислым молоком и другой мерзостью. Что может сделать старуха, когда к голоду ребенка присоединяются колики и катары кишок со всеми страданиями?!»

«Мне случайно пришлось видеть такую картину крестьянской нужды: в избе на полу, на соломе, покрытой грязной вонючей тряпкой, лежала девочка лет 12—14, с бледным, истощенным лицом и качала за веревку корзину с грудным ребенком, который распространял отвратительный запах, вследствие разложившихся выделений и ужасной подстилки, не сменявшейся в продолжение нескольких дней. Ребенок не кричит. Он стонет, около него валяется грязная высохшая соска, а на полу, у качающей девочки, стоит ковш с водой... На мой вопрос, чем больна она сама, она показала спину и ноги, пораженные туберкулезным процессом костей... К таким тяжелым картинам с трудом привыкает и привычный глаз земского врача...»

Острый и смелый доклад Михаила Михайловича вызвал бурный резонанс среди вологжан. Приоткрылась завеса, тщательно оберегаемая властями, стала видна вопиющая культурная отсталость деревенской жизни тех дней. Доклад привлекал внимание и тем, что указывал выход. Пусть в высшей степени скромный, но вполне реальный.

Конечно, вообще-то в деревнях была нужна широкая сеть детских яслей, но о широкой сети тогда и говорить не приходилось. Хотя бы начать дело, открыть одни ясли для пробы, для опыта, чтобы посмотреть, как к этому отнесутся крестьяне.

«Первый опыт устройства яслей, — сообщал Михаил Михайлович, — можно бы сделать в селе Куркино, так как там имеется постоянный врач и население ближайших деревень довольно густое».

«Нет сомнения, — доказывал он, — что крестьяне скоро поймут, какое громадное значение имеют ясли для их детей, они пойдут навстречу этому доброму делу сами, может быть, со временем окажут посильную помощь».

На этот раз, видимо, одолели свежие веяния. Предложение Михаила Михайловича поддержали врачи, прогрессивная общественность. Одобрило его и земство. Деньги были отпущены. Первые в Вологодской губернии детские ясли открылись в селе Куркино. Главную долю организационных хлопот взяли на себя земский врач Сергей Михайлович Золотилев и Любовь Николаевна Содман.

НОВАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА

В 1907 ГОДУ МИХАИЛУ МИХАЙЛОВИЧУ была предложена должность заведующего кожно-венерологическим отделением Вологодской земской больницы. До сего времени в течение 14 лет он работал как врач широкого профиля. К этому его обязывало положение участкового.

Дело осложнилось тем, что кожно-венерологического отделения в больнице не было. Его нужно было создавать. Дело было новое и важное. К тому же и сам доктор Содман не был специалистом по кожно-венерическим болезням. И все же Михаил Михайлович согласился с предложением.

Дело в том, что в конце девятнадцатого, в начале двадцатого столетия венерические болезни были настолько распространены в России и Европе, что стали буквально бичом человечества. Их считали неизлечимыми, потому что не умели с ними бороться. Между тем было известно, что эти болезни отражаются на потомстве, приводят к инвалидности, к слепоте, глухоте, уродству детей.

На рубеже двадцатого века, благодаря большим успехам в развитии бактериологии, были открыты возбудители венерических болезней. С этого времени началась разработка научных методов лечения. Однако от первых шагов до широкого внедрения новых методов в лечебную практику было еще очень далеко, а распространение венерических болезней продолжалось. Этому способствовали и социальные условия, существовавшие в то время.

От венерических болезней больше всего страдали группы населения, жившие в трудных бытовых условиях. Распространению их способствовали скученность, теснота и антисанитарные условия, существовавшие в большинстве рабочих общежитий, нужда и загруженность женщин производительным трудом, а также отхожие промыслы, отвлекавшие мужчин от своих семейных очагов и заставлявшие их надолго уходить из родных деревень в города на заработки.

Михаил Михайлович брал на себя тяжелый участок работы.

Он начал с повышения своей квалификации: побывал на курсах для врачей, сначала в Москве, потом в Петербурге, выписывал и читал специальную литературу. Вскоре стал не только хорошим специалистом, но и горячим пропагандистом борьбы за санитарную культуру. С новой работой он уже не расставался до последних дней своей жизни. Двадцать пять лет возглавлял в Вологодской губернии (а потом в области) борьбу не только против венерических болезней, но и против проституции, как социального явления.

В дореволюционных условиях было очень трудно проводить в жизнь какие бы то ни было прогрессивные мероприятия в области здравоохранения. Правительственные органы их не поддерживали.

Еще в 1902 году, когда губернатором в Вологде был Князев, ему не давали покоя земские органы своими ходатайствами о постройке уездных больниц, врачебных, фельдшерских и акушерских пунктов, о расширении детских яслей. Губернатор признавал, что «существующая в империи постанова врачебного и санитарного дела не соответствует требованиям современной жизни». Однако дальше этого признания дело не шло. «В земском и городском положениях, — заявлял губернатор, — нет указаний, чтобы расходы врачебно-санитарной части были для земства и города обязательными. Поэтому весьма трудно предъявлять им требования об упорядочении этого дела, хотя бы оно и находилось действительно в неудовлетворительном состоянии...»

Так говорил губернатор в годы, предшествовавшие революционному подъему. А после разгрома революции 1905—1906 годов царская администрация тем более не только мешала проведению в жизнь прогрессивных мероприятий, но и брала под подозрение всех, кто выступал за такие мероприятия. В подобных условиях многие интеллигенты растерялись, фактически стали помогать реакции. Михаил Михайлович принадлежал к числу немногих врачей, которые в годы реакции не отошли от прогрессивных позиций. Он продолжал мужественно и настойчиво отстаивать свои взгляды, бороться за свои убеждения.

Во «Врачебно-санитарном обзоре Вологодской губернии» за 1914 год была напечатана статья Содмана под заголовком «Массовое заболевание сифилисом среди рабочих-грузчиков в 1913 году в Вологде».

«Имеем ли мы право молчать? — писал Михаил Михайлович. — Нет! Мы должны постоянно и во всеулышание заявлять, что существующее положение этого вопроса ненормально, что оно опасно... Если бы с сифилисом проводилась в государственном масштабе обязательная и планомерная борьба, тогда мы не имели бы таких фактов, как поголовное заболевание в приюте для малолетних преступников и в артели рабочих, приехавших в Вологду на заработки из Симбирской губернии...»

В статье выдвигалось требование, чтобы законодательным порядком были введены обязательные правила борьбы с сифилисом, правильные способы лечения, подобно тому, как это делается в отношении туберкулеза. Автор указывал на необходимость периодических медосмотров для тех, кто живет в общежитиях и приютах, и для некоторых категорий рабочих. Не дожидаясь никаких циркуляров, Михаил Михайлович сам впервые в Вологодской губернии ввел такие осмотры и в дальнейшем настойчиво добивался, чтобы они проводились регулярно.

С 1907 года доктор Содман стал читать курс лекций по кожным и венерическим болезням в Вологодской фельдшерской школе. Одновременно стал выступать перед населением города с бесплатными популярными лекциями и беседами о венерических болезнях, о гигиене, о воспитании молодежи.

В ГОДЫ РЕАКЦИИ

ОБГОРЕЛЫЕ СТЕНЫ НАРОДНОГО ДОМА, подожженного во время черносотенного погрома, так и остались стоять, окруженные грудами битого кирпича, недогоревших книг, балок, досок, мебели. Ветер свистел в окон-

ных проемах и в печных трубах. Зимние метели натаскивали во внутренние помещения комнат сугробы снега. Летом внутри и снаружи все здесь заросло мхом, травой и бурьяном.

Можно было подумать, что мрачное зрелище развалин специально сохранялось местными властями, как напоминание о «каре», постигшей «бунтовщиков и крамольников». Оно стало для горожан олицетворением мрачного столыпинского режима. Реакция накладывала свою тяжелую руку на общественную и политическую жизнь страны, душила все лучшее и светлое. Жандармерия повсеместно расправлялась с организаторами и активными участниками боевых революционных выступлений. В Вологду прибывали все новые и новые партии ссыльных.

Раскоя в рядах интеллигенции углублялся. Те, кто до 1905—1906 годов вместе шли и вместе работали в одних и тех же общественных организациях, теперь разошлись. Одни повернули направо, другие — налево.

Д. С. Богданов и Б. А. Муликовский, которые были друзьями Содман-Михайловых, теперь отдалились от них. Богданов, вообще человек здравомыслящий и разумный, почему-то не захотел отделить контрреволюционные погромы от революционных выступлений рабочих. Для него все это был бунт. Он говорил: «Вот вам наглядный пример, плоды революции — разгром нашего Народного дома, о котором мы в свое время мечтали, которому любовно отдали столько сил. Разгром, избиения, кровопролитие... Бушующая тупая стихия — вот что такое революция... Вот почему я, как культурный человек, всегда был против революции».

Муликовский пришел к таким же выводам. Он утверждал, что только Народные дома, Дворцы культуры и широкая система внешкольного образования способны поднять культуру народных масс и привести к созданию более высокого и совершенного общественного строя. «Народ нужно терпеливо воспитывать и просвещать, — пояснял он, — это святая обязанность интеллигенции. Беспорядками ничего нельзя добиться».

Богданов и Муликовский до 1905 года делали, хотя и скромное, но все же доброе дело, а теперь они, как и многие представители буржуазной интеллигенции, быстро скатились в лагерь реакции.

Любовь Николаевна не была политическим деятелем, не вступала в споры о политике и революции, но рассуждения Богданова и Муликовского отталкивали ее, и разрыв между ними углублялся. Однако что их окончательно разделило, так это отношение к работе. Богданов и Муликовский совершенно отстранились от всякой общественной деятельности. Любовь Николаевна продолжала работать: через месяц после заседания правления, на котором было решено ликвидировать общество, она опять была распорядительницей благотворительного концерта в пользу нуждающихся учеников вологодской вспомогательной школы...

Конечно, проводить культурно-просветительную и благотворительную работу стало труднее. На каждый шаг требовалось разрешение либо губернатора, либо полицмейстера. Приходилось отстаивать программу мероприятий. Чиновники губернского управления возражали против отдельных номеров, против некоторых исполнителей.

Но Любовь Николаевна была настойчива и последовательна. Вокруг нее сгруппировался актив энергичных общественников. Квартира Содманов в эти тяжелые годы стала маленьким центром общественной и культурной жизни Вологды.

В 1906—1909 годах значительно усилился приток в Вологду ссыльных. Среди них было много социал-демократов, большевиков и меньшевиков: Сталин, М. И. Ульянова, Варенцова, Быстрова, Фиолетов, Дубровинский (Иннокентий), Шкирятов, Джапаридзе, Саммер, Воровский, Брюханов и другие.

У ссыльных был свой круг, своя жизнь. Из вологжан они общались главным образом с рабочими и людьми, участвовавшими в политической деятельности, такими, как рабочие железнодорожных мастерских Мохов, Александров, Хрулев, Котов, Козырев, Нерадовский, Южков, наш старый знакомый домшар Ермолаев и многие другие.

Под руководством ссыльных было создано несколько политических кружков среди рабочих, приказчиков и учащихся. Была организована подпольная типография, печатались и распространялись листовки и прокламации. У большевиков были ячейки не только в Вологде, но и в губернии. Они получали и рас-

пространяли большевистские газеты, пропагандировали идеи Ленина. Эта работа имела громадное значение для будущей победы Октябрьской революции.

Широкие круги интеллигенции ничего об этой работе не знали, потому что она проходила в условиях строгой конспирации. Дом Михаила Михайловича жил другой жизнью, не причастной к большевистскому подполью. Однако ссыльные в этом доме были частыми и желанными гостями. В том числе и большевики.

Сейчас, вспоминая те далекие времена, я сказал бы, что этот дом был тогда близок к революционным кругам. Он был своеобразным островком или оазисом, куда не проникала затхлая и тлетворная атмосфера реакции. Здесь жили люди с живой, незаплесневелой и открытой душой. Здесь билось сердце прогрессивной общественности.

ССЫЛЬНАЯ НИНА ОВЧИННИКОВА

В 1908—1909 ГОДАХ в доме Содман-Михайловых можно было часто встретить Нину Овчинникову, ссыльную большевичку, на редкость цельного и мужественного человека. В условиях реакции и царивших в эти годы разочарований, растерянности и разброда, она поражала удивительной для своего возраста политической устойчивостью.

У нее не было колебаний и сомнений. Она не испытывала никакой растерянности. Поражение революции не вызвало у нее ни разочарования, ни упадочных настроений. Она уверенно говорила о поражении, как о военном эпизоде, из которого нужно лишь уметь сделать правильные выводы, чтобы в дальнейшем не допустить повторения ошибок.

На революционный путь Нина вступила в 1903 году, когда ей было 18 лет. Она работала в то время статистиком в Костромской губернской земской управе.

Самый первый революционный шаг ей подсказал отец. Однажды осенью 1903 года он дал дочери почитать газету «Искра». Это был один из тех экземпляров, что тайно доставлялись в Россию из-за границы.

Даже сейчас, спустя более полувека, персональная пенсионерка Нина Дмитриевна Дризо не может забыть того волнения, какое испытывала тогда, читая «Искру» со своими ближайшими подругами.

— Первое, что нас поразило, — рассказывает она, — был чрезвычайно волнующий эпиграф: «Из искры возгорится пламя».

...1904 год. Нина — пропагандистка Костромского комитета РСДРП. Она нелегально ведет кружки работниц Зотонской и Кашинской фабрик, кружок учениц старших классов Костромской женской гимназии и кружок солдат Рославльского полка, который в то время нес в Костроме гарнизонную службу.

Фамилий своих кружковцев Нина не знала и не должна была знать, сама была известна под псевдонимом «Марфа». Собирались в разных квартирах, усаживались на полу, чтобы не видно было в окно, и беседовали о забастовочном движении в России и за границей, о бесправии женщин, о задачах надвигающейся революции.

Солдатский кружок состоял всего лишь из шести человек. Работа в этом кружке требовала особой осторожности, потому что, в случае провала, солдаты-кружковцы были бы преданы военному суду.

Этот кружок собирался за городом на Лазаревском кладбище между могилами.

...1905 год. Помимо работы в кружках, Овчинникова в составе боевой организации Костромского комитета РСДРП выполняет ряд ответственных поручений по вооруженной охране митингов, участвует в вооруженных столкновениях с бандами черносотенцев. Она участвует в доставке оружия для боевых дружин рабочих, в экспроприации государственного транспорта с пироксилином, в создании лаборатории для производства бомб, в организации тайной типографии. В то же время орается пропагандисткой.

Но вот в конце 1906 года начались провалы, обыски и аресты...

Нина Дмитриевна была арестована при выполнении партийного поручения. Она должна была перенести от Беликовой к Минееву, казначею боевой организации, деньги и типографский шрифт. Беликова не была членом боевой организации, но пользовалась доверием. Впоследствии выяснилось, что она была провокатором.

Нина Овчинникова

В назначенный день и час в Костромских торговых рядах произошла встреча. Беликова принесла туда деньги и типографский шрифт, спрятанный в красивой черной муфте. Нина ждала ее со своей подругой, ученицей 8-го класса гимназии Шурой Юматовой. Взяв от Беликовой муфту, девушки пошли к Минееву. На площади заметили, что за ними идут двое мужчин. Вскоре стало ясно, что это жандармские агенты. Чтобы оторваться от них, девушки вошли во двор дома Дурново на Царевской улице, где, как они знали, имелась калитка на соседский двор. Они попытались запереть эту калитку на деревянный засов. Но не успели...

Агенты кликнули извозчика. Переходя с тротуара к пролетке через мостик, Нина Дмитриевна спустила муфту по пальто вниз и, незаметно для агентов, ногой отшвырнула ее в канаву. Муфта удачно скрылась в снегу под широким кустом лопуха...

Шуру Юматову в участке допросили и отпустили. А от Нины Дмитриевны долго допытывались, куда девалась муфта. Нина утверждала, что никакой муфты у нее не было. Жандарм приказал

обискать и опросить извозчика. Муфты не нашли. Произвели тщательный обыск в доме Дурново, и здесь ее не оказалось. Муфта пропала бесследно...

Нину не судили, потому что для этого не оказалось должных улик. В январе 1907 года ее в административном порядке выслали на два года в Вологодскую губернию, в Сольвычегодск.

Но в июле Овчинникова получила из Костромы шифрованное письмо, из которого узнала, что в сентябре 1907 года будет военный суд над товарищами Лапшиным и Махревским, членами боевой дружины. Им грозила смертная казнь, так как они при аресте оказали вооруженное сопротивление полиции. Нине поручалось организовать побег этих товарищей, в самой Костроме из членов боевой организации никого не осталось.

Получив письмо, Нина не колеблется. Сольвычегодские товарищи — ссыльные — доставляют ее на лодке в Котлас. Отсюда она поездом добирается до Ярославля. В августе она уже в Костроме. Устанавливает связи с нужными людьми. Однако смертный приговор Лапшину и Махревскому не был вынесен, они были осуждены на каторгу и от побега отказались.

Овчинникова возвращается в Сольвычегодск, где уже объявлен ее розыск, через Вологду. Ей грозит наказание за побег, но с помощью товарищей она не только избегает его, но даже остается до конца ссылки в Вологде (главный врач психиатрической больницы Радкевич сумел убедить губернатора, что ссыльная Овчинникова — человек психически ненормальный).

Любовь Николаевна глубоко симпатизировала этой девушке и считала, что к ней можно было бы отнести слова Чернышевского: «Таких людей мало, но ими расцветает жизнь» (Чернышевский писал о Рахметове). Хотя по возрасту Нина была значительно моложе, тем не менее в вопросах политики Любовь Николаевна признавала ее безусловное превосходство не только над собой, но и над другими своими знакомыми.

Однажды Любовь Николаевна беседовала с ней о Народном доме. Она поведала Нине Дмитриевне всю его историю от начала сбора пожертвований до нападения черносотенцев.

— Душа болит, — заканчивая, вздохнула женщина. — Не вижу перспектив на скорое его восстановление...

Нина Дмитриевна к рассказу отнеслась спокойно, и ответ ее был тоже спокойным и уверенным:

— Сейчас, конечно, никто не будет заниматься этим домом, потому что страной правят черносотенные помещики, но после революции Народный дом будет восстановлен. Можете не сомневаться. Власть будет в руках рабочих, а рабочее правительство на это денег не пожалеет...

Любовь Николаевна слабо представляла себе, что это значит: рабочее правительство. В таких вопросах она была человеком малопросвещенным. И, естественно, задумалась — могут ли вообще рабочие одержать победу над царизмом, а потом управлять государством. Помолчав, она, скрывая сомнение, спросила:

— Но когда же это будет, Нина Дмитриевна? Доживем ли мы с вами до таких времен?

— А как же! — решительно ответила Нина. — Обязательно доживем! Новая революция должна быть. И скоро. А подготовимся мы к ней получше, чем в 1905 году. Рабочие стали опытнее. Старый мир будет разрушен. Вот тогда откроются просторы для широкой и свободной общественной деятельности!..

Со дня пожара в Народном доме прошло уже три года, но до сего времени ни один человек ни единым словом не обмолвился о том, что когда-нибудь он будет восстановлен, что он еще будет действовать. Три года душа Любови Николаевны ждала именно этих слов: будет восстановлен. И вот эти слова сказаны с полной уверенностью. Любовь Николаевна уже не сомневалась, что именно так и будет.

Эту беседу она запомнила на всю жизнь. Именно с этого момента у нее впервые возникло искреннее желание дожить до победы рабочего класса. Правда, пока еще очень смутно, но с мыслью о пролетарской революции она уже начала связывать некоторые свои светлые надежды. Этим было предопределено ее отношение к предстоящим великим событиям. Зернышко, брошенное Ниной Овчинниковой, попало на хорошую и благодатную почву.

ПОСЛЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

И ВОТ, НАКОНЕЦ, в Смольном прозвучали слова Ленина, которые услышал весь мир: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась»... Сообщение об этом за несколько часов облетело все страны. Мир повторял большевистские призывы: «Вся власть Советам!», «Мир народам!», «Все богатства — трудящимся!»...

В Вологду Октябрьская революция пришла не сразу. Эсеры и меньшевики пытались «не пустить» ее сюда.

— Не признаем большевистского центрального правительства! — заявило заседание исполнительных комитетов местных советов Вологодской губернии 27-го октября 1917 года.

В декабре, после перевыборов, губернский Совет нового состава заявил, что он признает правительство, возглавляемое Лениным. Однако на деле соглашательство с эсерами и меньшевиками продолжалось еще и после перевыборов.

Можно сказать, что только первый губернский съезд Советов, состоявшийся в апреле 1918 года, действительно установил в Вологде Советскую власть. Но параллельно с Советами некоторое время в губернии еще действовали такие органы буржуазной власти, как думы, земские управы, разные «комитеты охраны порядка», иногда даже во главе с кадетами.

Обыватели, далекие от политики, в большинстве случаев не умели правильно понять подлинное значение всемирно-исторических событий тех дней. Не были исключением и врачи — коллеги Михаила Михайловича. Некоторые из них проявляли откровенно-отрицательное отношение к Советской власти.

Михаил Михайлович внимательно читал газеты, вдумывался, желая понять большевиков: что это за люди, насколько они дальновидны, осияют ли они ту громадную задачу, которую сами себе наметили. Известно, что он много лет работал в земстве и идеологически был связан с ним. И тем не менее он сумел быстро разобраться в событиях...

Из старых вологодских врачей Михаил Михайлович первым, без колебаний, решительно перешел на сторону Советской власти. Летом 1918 года, когда проводились первые выборы профсоюзных органов, его избрали в больничный местком. Это морально окрылило доктора: он понял, что ему доверяют. С этого времени он стал активным советским врачом-общественником.

С каждым днем Михаил Михайлович все более убеждался в правильности своих первых впечатлений о Советской власти, и скоро он был уже уверен, что от этого правительства скорее, чем от любого другого, можно ожидать радикального улучшения в деле народного здравоохранения. Он радовался каждой точке, которая подтверждала его надежды.

...17 апреля Михаил Михайлович пришел в больницу в приподнятом настроении. Не снимая пальто (в больнице было холодно и сыро), прошел в кабинет главного врача, давнего своего знакомого Сергея Федоровича Горталова, положил перед ним на стол номер «Известий» с отчеркнутой статьей, озаглавленной «Очередная задача в санитарном деле».

В статье говорилось, что пришло время создать верховный орган, который должен будет выработать широкий план оздоровления наших городов и деревень, восстановить все земские санитарные учреждения, улучшить и развить сеть больниц, амбулаторий, детских яслей и деревенских аптек. Это необходимо сделать без промедления, потому что население в деревнях вымирает от сифилиса, алкоголя и нерационального ухода за детьми грудного возраста. Санитарное просвещение масс должно стать средством спасения деревенского населения.

Михаил Михайлович давно ждал именно такой статьи. Он сам говорил об этих вещах много лет тому назад, но тогда его никто не поддерживал. Правительственные органы отрицали государственное значение этих проблем.

— Молодцы большевики! — едва дождавшись, пока Горталов пробежит глазами статью, воскликнул он. — Как правильно и как радикально они действуют. Создают Народный Комиссариат Здравоохранения и ставят перед ним такие большие всенародные задачи!

Теперь Михаил Михайлович не сомневался, что его мероприятия по борьбе с венеризмом получат поддержку. От одной мысли об этом он чувствовал прилив новых сил и энергии.

— Да-да. Статья хорошая, — ответил Горталов, почему-то раздражаясь. — Но, знаете, я сейчас не могу радоваться таким вещам. Все это одни обещания и агитация. А вы смотрите, что делается! Дров нет. Подумать только: в Вологде и без дров! Я не представляю себе, что большевики думают делать с больницей. Я написал Ветошкину. Если не могут дать дров, тогда пусть закрывают больницу. Ведь нельзя же дальше так работать!..

Михаил Михайлович был так поражен этой гневной реакцией, что поспешил, как говорится, «замаять» разговор и вышел из кабинета. Неприятный осадок быстро рассеялся, и, как только врачи в конце дня собрались в ординаторской, он не удержался и прочитал статью вслух.

Реакция, надо сказать, получилась не одинаковая. Сообщение было, конечно, очень интересное, но воспринимали его все по-разному: одни — радостно, так же, как Михаил Михайлович, другие — недоверчиво, а доктор К. и доктор М. — с высокомерной враждебностью. Они с усмешкой произносили слово «товарищи» и считали, что «товарищи» вообще не способны сделать что-либо хорошее и разумное.

Между тем ближайшие события подтвердили самые оптимистические ожидания.

Прежде всего, на письмо Горталова горисполком ответил, что больнице нужно было в свое время подать заявки на дрова. Больница их не представляла. Это была вина завхоза. Исправили ее немедленно, и горисполком выделил дрова.

В середине апреля 1918 года был образован Народный Комиссариат Здравоохранения во главе с Николаем Александровичем Семашко, а в губернском и городском исполкомах в Вологде созданы губернский и городской отделы здравоохранения.

По вопросам, специально интересовавшим Михаила Михайловича, 28-го апреля в «Известиях» опять была опубликована статья Вегера, с подзаголовком «Тяжелое наследие войны». «С окончанием войны, — сообщала газета, — сотни тысяч венериков вернулись в русские города и деревни и... сеют вокруг себя смерть и вымирание народа... Молодой социалистической России, народу, явившемуся борцом за социализм, грозит вымирание...»

Статья заканчивалась призывом: «Пусть же народ мобилизует все свои силы и средства на борьбу с грозным врагом...»

ГРОЗНЫЙ ВРАГ

ОДНАЖДЫ ОСЕНЬЮ, придя в больницу, Михаил Михайлович увидел в вестибюле необычную картину: на скамейках сидели шесть женщин, два мальчика-подростка и два человека с винтовками и красными нарукавными повязками. Женщины были очень плохо одеты. Из-под мятых косынок и шляпок

висели космы нечесаных волос. Лица были землисто-серого цвета, с болезненно синими подглазницами. Мальчикам на вид можно было дать лет по тринадцать. Одеты с ног до головы в какую-то исключительную рвань. Руки и лица — черные, не то в дегте, не то в мазуте. Они были похожи на запуганных звереньшей, вытащенных из какой-то черной берлоги.

Через пару минут в кабинет к Михаилу Михайловичу вошел человек с винтовкой и протянул записку от начальника милиции. В ней сообщалось, что направляются для осмотра шесть проституток, задержанных при облаве минувшей ночью на железнодорожной станции Вологда, а также два подростка, ночевавших в пустых вагонах.

Михаил Михайлович нахмурился: люди были настолько грязными, что даже в кабинет ввести нельзя.

— Почему они в таком виде? — спросил он милиционера. — Где вы их разместили?

Милиционер пожал плечами:

— Нигде не разместили. С вокзала привели в отделение, а из отделения — сюда. Мы пока сами не знаем, что с ними делать. Документов у них никаких. Сами себя называют проститутками, а парни — беспризорниками. Воруют и попрошайничают. Наверное, высылать их куда-нибудь придется из города...

Пока санитарка отводила людей в умывальную комнату изолятора, милиционер позвонил по телефону в отделение и получил указание: никого не ожидать и немедленно возвращаться. И милиционеры ушли.

Доктор Содман оказался в трудном положении: все шесть женщин и один из двух мальчиков оказались венерически больными. Требовалось длительное лечение. Но в больнице даже для одного человека и то не было места, а о семи не могло быть и речи. Что было делать доктору?

По его указанию, всем больным была оказана медицинская помощь. Всем им велели ежедневно приходить на процедуры. Но на этом и закончилось их первое посещение больницы. Здорового мальчика Михаил Михайлович с запиской направил к Любови Николаевне. Он знал, что она, как представительница общества «Друг детей», сумеет его устроить в какой-нибудь приют. А остальных? Им просто предложили идти. На вопрос: куда? — ни Михаил Михайлович, ни кто-либо другой ответить не смогли бы.

Шел дождь — мелкий, холодный и затяжной. В пять часов вечера было уже темно. Куда идти?

— Если завтра милиция опять сделает облаву, — жаловался Михаил Михайлович Горталову, — и ко мне приведут больных проституток, я опять должен буду отправить их на улицу. До каких же пор это будет продолжаться? Пора, наконец, радикально взяться за дело. Будет хуже, если милиция начнет высылать этих женщин куда-нибудь за пределы города. Этого ни в коем случае нельзя допустить.

Домой в этот день доктор Содман возвращался с тяжелым чувством.

Из Москвы, от Наркомздрава, пришло недавно письмо. В нем говорилось: «Советская власть объявила своим лозунгом борьбу с проституцией, а не с проститутками, борьбу с причинами зла, а не с людьми, пострадавшими от этого зла...» Между тем в Вологде не велось серьезной борьбы с проституцией...

На следующий день, посоветовавшись с большевиками Ермолаевым и Прибытковым, Михаил Михайлович написал доклад в губздрав. Центральный тезис доклада был бесспорен: для борьбы с проституцией недостаточно одного только лечения. Лекции, беседы, статьи в газетах, облавы — это не борьба, это только полумеры. Нужно в Вологде, утверждал доктор, построить или выделить из существующих большой дом, чтобы разместить венерологический диспансер и трудовой профилакторий. Нельзя людей после осмотра возвращать на улицу. Это бессмысленная трата времени и средств. Нужно прежде всего обеспечить их жильем и работой. Диспансер должен стать не только больницей, но и своего рода штабом борьбы с венеризмом в масштабе всей губернии. Кадры медицинских работников следует значительно увеличить, улучшить снабжение лекарствами, оборудованием и инструментами.

Заведующий губздравом согласился с Михаилом Михайловичем. Однако никаких практических шагов губисполком предпринять не смог ни в 1918, ни в 1919 годах. Шла гражданская война. Вологда оказалась в районе тыла

6-й армии. Начались бои на Архангельском направлении. До 1921 года все силы страны, в том числе и медицинские, были прикованы к фронтам.

Не слишком благоприятными были и первые годы после окончания гражданской войны. Наоборот, нэп вызвал рост проституции.

Михаил Михайлович в эти годы проводил свою работу в условиях крайне ограниченных возможностей, опираясь в основном на содействие и помощь общественных организаций. И все эти годы настойчиво добивался открытия венерологического диспансера и трудового профилактория. В Вологде, имевшей тогда 50 тысяч населения, числилась тысяча человек больных сифилисом.

ТРУДОВОЙ ПРОФИЛАКТОРИЙ

1925 ГОД СТАЛ ПЕРЕЛОМНЫМ. Настойчивые хлопоты Михаила

Михайловича увенчались успехом. Горсовет предоставил помещение сначала для диспансера, а затем для трудового профилактория. В вендиспансере начали работать молодые врачи Гинзбург и Нечаев. Несколько позднее прибыли Розовский и Савашкевич. На должность заведующей профилакторием была назначена Нина Григорьевна Дедюлина.

Всю общественную работу, связанную с профилакторием, направляла секция женработы горсовета во главе с Любовью Николаевной. В это время и Любовь Николаевна и Михаил Михайлович были оба членами горсовета.

Помещение профилактория было предварительно отремонтировано, полы покрашены, стены оклеены обоями. Как только сюда пришли первые обитательницы, они совместно с женактивом горисполкома занялись внутренним убранством. Вскоре комнаты стали опрятными и уютными. При этом все было основано на самодеятельности. Из какого-то ликвидированного общежития в профилакторий привезли шестнадцать кроватей с постельными принадлежностями. Постепенно приобреталась посуда, кухонное оборудование.

Уличная психология ломалась не сразу. Первое время некоторые из женщин ко всему проявляли предвзято-недружелюбное и недоверчивое отношение. Слишком крутой поворот получался в их жизни. Однако сравнительно быстро они стали проникаться чувством естественного и здорового коллективизма и желанием хорошо устроить свое новое общежитие. Вчерашние проститутки, давно уже утратившие чувство человеческого достоинства, снова начали чувствовать себя людьми.

Нина Григорьевна Дедюлина установила деловые связи с правлением кооперативного общества «Воложанин». Сумела получить бесплатно пять чулочновязальных машин, старых и требующих ремонта (надо было видеть, как заботливо наблюдали женщины за ремонтом этих машин!), заключила договор на ремонт тарных мешков. Губернская больница дала заказ на пошивку белья. Теперь все женщины профилактория были заняты делом: вязали чулки, шили белье, чинили мешки.

Любовь Николаевна, как член горсовета, по роду своей депутатской работы активно помогала профилакторию во всех мероприятиях. В своих воспоминаниях об этом она пишет: «...Дело было нелегкое, но мы все же взялись за него. Трудов положено немало, но они увенчались успехом. Было найдено помещение, привлечено внимание женотдела и делегатов, устроен концерт. Горсовет для начала отпустил 300 рублей. Впоследствии было ассигновано полторы тысячи рублей, куплены трикотажная и швейные машины. Мы искали работы для женщин везде и всюду, где только возможно, обходили учреждения и магазины... Те, кто научился читать и писать, были счастливы, как дети. Очень многим мы потом помогли устроиться на завод, некоторые выходили замуж, стали хорошими хозяйками, некоторые возвращались в деревни, на родину и, таким образом, навсегда простились с «улицей»...

...В служебной деятельности Михаила Михайловича было два периода, которые он считал лучшими в своей жизни. Первый — в Домшине, второй — в Вологде, с того момента, как здесь удалось открыть диспансер и профилакторий.

На первый взгляд эти два периода кажутся весьма различными. Однако между ними имеется нечто общее, а именно: тогда и теперь Михаил Михайлович практически всего себя отдавал делу, ради которого жил. С открытием диспансера и профилактория, когда война ушла в область прошлого, он получил

наконец возможность, засучив рукава, по горло уйти в работу. Так он и сделал. И чувствовал себя счастливым человеком.

В одном письме Нина Григорьевна Дедюлина писала:

«Я никогда в жизни не встречала более отзывчивого и такого сердечного человека, как Михаил Михайлович. С профилакторками, наверное, никто никогда не разговаривал с такой теплотой, как это делает он. Я ему однажды сказала об этом, а он говорит: «Нужно, чтобы с ними все так разговаривали. Пусть эти женщины поймут, что мы их уважаем, как полноправных граждан».

Наркомздрав, начиная с 1923 года, повел решительную войну с венерическими болезнями и проституцией. С каждым годом в стране расширялась сеть венерологических диспансеров и трудовых профилакториев (если в 1923 году было открыто по всей стране лишь двадцать девять диспансеров, а в 1924 — шестьдесят, то в 1928 их было уже двести). Множились курсы повышения квалификации врачей. Отсюда врачи разъезжались по всем губернским и уездным городам и селам.

Тысячи и тысячи их во всех городах и селах развернули небывалую по своей активности санитарно-просветительную работу в массах. Они печатали научно-популярные статьи в газетах и журналах, выступали с лекциями и докладами везде, где это было возможно: в рабочих общежитиях, в учебных заведениях, в клубах и театрах, перед началом сеансов в кино, в деревнях на сельских сходках. Результаты такой гигантской работы сказались. Заболеваемость сифилисом с каждым годом стала падать во всех городах, в том числе и в Вологде.

ЕЩЕ ОДНА ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА

ДЕТСКАЯ БЕСПРИЗОРНОСТЬ. Она явилась следствием войны, тифа и голода. Беспризорников в начале и середине двадцатых годов было так много, что они образовывали свой мир, в котором выработались свои традиции, законы и даже язык — блатной жаргон. Это был страшный мир — преступный, озлобленный и в то же время голодный, несчастный и жалкий.

Сколько было беспризорников, — никто точно не знает. Учтены были только те из них, кто посещал ночлежки, жил в детских колониях, в детдомах. Таких беспризорников в 1922 году числилось по РСФСР около 600 тысяч. Но, вероятно, не меньшее количество их нигде не регистрировалось, жили и умирали под открытым небом, под заборами, под скамейками или в пустых железнодорожных вагонах.

Ликвидировать детскую беспризорность, воспитать сотни и сотни тысяч осиротевших детей, спасти их от голодной смерти, от тифа, сделать честными и грамотными гражданами — это нелегкое дело стало новой очередной государственной проблемой. Ею занялись правительство и советская общественность.

В Вологде на борьбу с детской беспризорностью было привлечено много общественных активистов. Одним из них была и Любовь Николаевна.

Распоряжением правительства во всех городах при районо и гороно были созданы «Комиссии социально-правовой охраны несовершеннолетних» («СПОН»). В марте 1924 года во всей стране была проведена «Неделя помощи детям». С этого времени стали создаваться ячейки добровольного общества «Друг детей» («ОДД»). В Харькове с января 1925 года начал издаваться журнал «Друг детей». Этот журнал стал выходить под девизом: «Помощь детям — памятник Ленину».

Для Любови Николаевны работа с детьми была делом не новым. Она полюблила ее еще с тех дней, когда устраивала елки для деревенских детей в Домшине...

Будучи с 1925 года депутатом горсовета, она работала одновременно в четырех общественных организациях: в «ОДД», в «Комиссии горсовета по организации детских площадок в деревне» и в «Губернском бюро юных пионеров». И везде — со свойственной ей энергией и инициативой.

Журнал «Друг детей» рекомендовал создавать в городах территориальные ячейки по кварталам. Основной фигурой в таких ячейках должны были стать женщины-домохозяйки. Предполагалось, что для них борьба с детской беспризорностью ближе и понятнее, чем для членов учреждений и производственных ячеек.

М. М. Содман-Михайлов в 1924 г.

Сделали опыт — и убедились, что действительно женщины лучше откликаются на призывы «ОДД». Тогда решили создать ячейки во всех кварталах города.

«И началась беготня, — пишет Любовь Николаевна в своих воспоминаниях, — с одного собрания женщин-домохозяек на другое. Женщины охотно вступали в «ОДД», часто очень активно помогали нам (горсовету) в работе. Таких квартальных ячеек лично я организовала свыше пятидесяти...»

Комиссия по борьбе с детской беспризорностью была избрана на сессии горсовета. Председателем ее избрали Любовь Николаевну.

Правительство в 1926 году ставило перед общественностью задачу: передать на воспитание и обучение труду в производственные коллективы и крестьянские семьи, в семьи ремесленников и кустарей, в колхозы и совхозы сто пятьдесят тысяч сирот.

Первые итоги борьбы с беспризорностью по всей стране начали подводить в конце 1926 года. Вологда и в этом отношении не отставала от других городов. «Красный Север» 19 октября в статье «Борьба с беспри-

зорностью» так писал: «В этой борьбе мы имеем большие успехи. Тысячи беспризорных детей воспитываются в заводских стенах, учатся трудовой жизни...» В другой статье в том же номере газеты написано: «Детских домов в Вологодской губернии 24 и один лазарет-изолятор. В этих учреждениях нашли себе теплый, хороший приют 1745 беспризорников. Здесь они учатся трудовой жизни, обучаются ремеслам: сапожному, столярному, швейному и т. д.»

В губернии к концу года не было ни одного завода, ни одной фабрики, где не работали бы бывшие беспризорники. Администрация всех фабрично-заводских предприятий давала о них положительные отзывы. Коммунистическая партия и Советское правительство, опираясь на общественность, быстро справились с проблемой беспризорности.

В 1928 году эта проблема уже утратила свою остроту, а в 1930 году она перестала существовать. Беспризорники на улицах городов стали редкостью.

ОТЪЕЗД ИЗ ВОЛОГДЫ

В ФЕВРАЛЕ 1924 ГОДА медицинская общественность Вологды отмечала двадцатипятилетний юбилей деятельности Михаила Михайловича как врача-общественника. Был организован товарищеский ужин.

Выступавшие сослуживцы, врачи и воспитанники фельдшерской школы отмечали, что юбиляр успешно возглавлял в Вологде борьбу с самым жестоким и коварным врагом — венерическими болезнями — и вышел победителем, за что его несканзано благодарят десятки тысяч вологжан в городе и деревне. Отмечали они и беззаветную преданность делу, сердечное отношение Михаила Михайловича к людям. Вот несколько выдержек из приветствий:

«...Для больных вы всегда не только врач-специалист, но заботливый, чуткий и сердечный человек. Прежде чем вылечить, вы для каждого всегда находите разумные и теплые слова, которыми можно успокоить и утешить человека...»

«...Вы и нас, ваших учеников, постоянно учите так же относиться к больным, а мы уважаем вас за это безгранично...»

«...Ваша светлая личность никогда не изгладится из нашей памяти...»

В конце того же 1924 года вологодская музыкальная общественность отмечала юбилей общественной и концертной деятельности Любови Николаевны. В «Доме революции» 6-го декабря был организован юбилейный концерт. Весь

чистый сбор с этого концерта — около 400 рублей — был передан по желанию Любви Николаевны в кассы «ОДД».

Концерт прошел с большим успехом. Юбилярше были преподнесены цветы и несколько письменных приветствий (адресов)...

А через несколько лет Содманы покинули Вологду. Тридцать два года тому назад приехали они сюда. Михаил Михайлович был в те дни молодым и полным сил, а уезжал седым стариком с сильно подорванным здоровьем. Но ни к кому никаких претензий он не имел. Все шло правильно и закономерно. Жизнь прожита хорошо, в труде. Грустно только то, что она уже прожита...

Любовь Николаевна тоже уезжала в печальном настроении. Такое настроение знакомо каждому, кто расставался с любимым городом, которому отдано так много сил физических и духовных, расставался с близкими сердцу людьми, зная, что это расставание навсегда. Но и она не сожалела о прошедших годах. Если бы можно было снова стать молодой и начать жить сначала, она без колебаний снова приехала бы в Вологду, к тем же людям или к их детям и внукам, и снова стала бы отдавать им свои духовные силы, свои способности, свою энергию, свою любовь.

Впрочем, у Любви Николаевны не было предчувствия, что она сделала в жизни все, что могла. Чувствовала она себя здоровой. И еще в поезде уже думала о Москве, об общественной работе, о том, где и как она применит свою ответственную ей энергию. Ее не покидало чувство, что пока есть силы, найдется и поле деятельности, где она будет полезна людям.

В марте 1933 года не стало Михаила Михайловича. Он и года не прожил после того, как вышел на пенсию и уехал из Вологды к своим сыновьям в Москву.

Смерть пришла внезапно. Накануне он чувствовал себя здоровым человеком и в кругу семьи участвовал в горячей беседе о событиях в Германии.

Газеты и радио сообщили о захвате власти Гитлером, о провокационном поджоге рейхстага и об аресте Тельмана и Димитрова.

Михаил Михайлович был уверен, что германский пролетариат не сломлен, что классовые бои в Германии будут еще продолжаться и окончательная победа будет принадлежать пролетариату.

Это были последние ясные мысли и последние жизненные впечатления Михаила Михайловича.

Сердечный припадок произошел в ночь с 26-го на 27-е марта...

30 марта вологодская газета «Красный Север» напечатала некролог...